

18+

НАТАЛІЯ
КУРТАКОВА

**ПЛАМЯ И ТЬМА:
ИСКРА ТВОРЕНИЯ**

Наталья Куртакова

Пламя и тьма: искра творения

«Издательские решения»

Куртакова Н.

Пламя и тьма: искра творения / Н. Куртакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656055-0

В средневековом государстве Антарте существует древняя легенда о Богине-Матери: спасая младенца во чреве от жестокого отца, она упала с небес и родила сына — божественный огонь. Ее тело превратилось в сферу. Девушка с тайной происхождения, жестокий тиран-правитель и мужчина — носитель великого огненного дара пойдут на любые жертвы ради обладания священной реликвией. Книга создана при поддержке Литературного агентства «Жанры».

ISBN 978-5-00-656055-0

© Куртакова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пламя и тьма: искра творения

Наталья Куртакова

Книжный продюсер Евгения Полякова

Шеф-редактор Анна Дымченко

Дизайнер обложки Татьяна Лаговская

Корректор Мария Новицкая

Координатор проекта Арина Дюдина

© Наталья Куртакова, 2025

© Татьяна Лаговская, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-6055-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Когда же она наконец придет? – шепотом спросил мальчик.

Он сидел на стволе упавшего дерева, практически полностью съеденного термитами и высушенного палящим солнцем. Малыш гневно отбивал кусочки коры увесистым камнем, неуклюже смотревшимся в его маленькой руке.

– Она оставила нас здесь, а сама ушла и не вернется! – подступившие слезы обожгли глаза, и он со злостью бросил камень и случайно угодил в брата, который неторопливо чинил колесо старой телеги.

– Ай! – отозвался тот и потер плечо. – Раймонд, ты чего камнями бросаешься?

– Так тебе и надо! Глупый ты, Хейл.

Мальчик отвернулся, чтобы не показывать своих слез. Сухой ветер растрепал его густые волосы, а горячий песок щекотал щеки. Ему было невыносимо грустно и больно от осознания разлуки с мамой, ведь раньше она никогда так надолго не оставляла детей одних.

– Она скоро вернется, – присел к нему Хейл, пытаясь приободрить брата.

– С чего ты взял, что я думаю о ней? – Раймонд надул губы, словно ребенок, хотя, конечно, он им и был – пятилетний мальчишка, оставленный матерью на попечение старшего брата.

– Ты сидишь и рыдаешь, как девчонка.

– Я не рыдаю! – выпалил малыш. Он хотел показать, какой он сильный, но, как назло, расплакался. – Я не девчонка! Просто... Она ушла луну назад и ее все еще нет. А если с ней что-нибудь случилось? Вдруг ей нужна помощь, а мы сидим тут и чиним дурацкое колесо? Может, она упала, ударилась и сидит где-нибудь, плачет, зовет нас на помощь. А мы – тут, вместо того чтобы помочь ей, – дыхание его было сбивчивым, а слезы стекали по подбородку. – А может... Может, она просто бросила нас и больше никогда не вернется? Она нас больше не любит?!

– Эй! – приобнял его Хейл. – С мамой все хорошо. Она скоро вернется. Просто задержалась где-то или дела возникли срочные, – юноша старался говорить уверенно, осторожно подбирая слова, хотя сам волновался за благополучие матери. – И что за глупые мысли о том, что мама нас больше не любит? Выбрось это из головы! Ясно?

– Ты сам в это не веришь! – продолжал Раймонд. – Я видел, как ты сидишь у порога до глубокой ночи и высматриваешь ее, но мамы все нет.

Хейл серьезно посмотрел в карие глаза младшего брата. Удивительно, но он, словно в зеркале, увидел себя, только маленького. Братья были похожи как две капли воды. У обоих были каштановые волосы (мать всегда следила за тем, чтобы они были коротко пострижены), прямые носы, вытянутые лица, тонкие губы, выпирающие скулы. И только цвет глаз у мальчишек отличался: у Раймонда они были темно-карие, а у Хейла – цвета спелого инжира.

Этим летом Хейл встретил свои одиннадцатые именины, поэтому считался уже взрослым мужчиной. Становясь старше, юноша все чаще просил мать взять его с собой в Ларак за удовольствием, присматривать за младшим братом охоты у него не было. Ведь там, в торговом городе, его ждала свобода. Прохладный морской ветер, крики чаек и шум толпы на рынке – Хейлу хотелось все это ощутить снова.

Пять лет назад шестилетний Хейл покинул родной дом – деревушку под названием Кирз. Хлипкое суденышко, набитое до отказа всяким сбродом из Антарты, отправилось в опасное путешествие по Тигровому морю в поисках лучшей жизни в городе Лараке.

События того дня юноша помнил, словно они произошли с ним вчера.

В дом пришли рыцари в доспехах. Блестящие мечи висели на их поясах, внушая страх и требуя незамедлительного подчинения от окружающих. Серые плащи рыцарей промокли,

смердя псиной и мочой. Мать спрятала сына под кровать и велела ему сидеть тихо, поэтому мальчик не видел лиц тех, кто наглым образом вломился в их дом. Мать ругалась с рыцарями, один из них ударил ее. Затем, словно тень, он подкрался к кровати, под которой прятался Хейл, вытащил мальчика из его убежища и чем-то ударил его по голове. Как они с мамой оказались на корабле, плывущем, как выяснилось, в Ларак, гордо раскинувшийся вдоль моря, Хейл не помнил – у него очень болела голова.

Сойдя с палубы судна, мальчик увидел великолепие другого государства. Широкие улицы столицы были заполнены солнечным светом и людьми. Сотни лавок, заполненных различными товарами, с пестро разодетыми торговцами, громко зазывающими к себе покупателей. Их голоса смешивались в гул. Невозможно было разобрать отдельные голоса, да никто особо и не старался этого делать. Горожане лениво расхаживали вдоль рядов, без интереса разглядывая торговые лавки и с неким презрением глядя друг на друга. Казалось, что каждый житель Ларака всем своим внешним видом хотел показать, что его наряд самый лучший и богатый. Женщины были одеты в разноцветные шелковые платья, соблазняя фасонами мужчин, с массивными украшениями из драгоценных минералов, иногда нелепо висевшими на их шеях и руках, словно крича: «Посмотрите на меня, у меня самое изысканное украшение в городе». Мужчины не отставали от женщин. Они носили длинные льняные рубахи, расшитые золотыми нитями, и штаны. Украшения же были не настолько массивными и заметными, но практически каждый носил на пальцах золотые перстни, украшенные яшмой, кораллом и цитринами. У всех были коротко подстриженные бороды. Как у мужчин, так и у женщин были короткие стрижки, ведь Виалосламские степи славились своей невыносимой жарой.

Пока они с матерью искали пристанище, маленький Хейл с интересом рассматривал здания, в которых проживали красивые горожане. Одни – белокаменные с высокими арками, увитыми красными розами, другие – высокие, похожие на замки из песчаника, третьи были маленькими и убогими, в них жили те, кому не так повезло в жизни. Хейл мечтал, что они поселятся в одном из этих чудесных домов, но вместо этого мать посадила его на старую кобылу и повела ее к воротам, ведущим из города. «Потерпи, мой храбрый сын, – ласково говорила она. – Дорога будет длинной и тяжелой... Да помогут нам боги!»

Шли действительно долго – четыре дня и четыре ночи. Чем дальше они удалялись от Ларака, тем беднее становилась земля. Из-за палящего солнца некогда плодородная почва истощалась и превращалась в обжигающий песок. Водоемы и колодцы встречались все реже, как и случайные путники. От солнца негде было спрятаться – у Хейла трескались губы и кружилась голова. Мальчик даже подумал, что они умрут здесь, в этом чужом краю, и никто не узнает об их кончине. Только забавные истории матушки подбадривали его: она обещала, что их путь скоро закончится и они вновь заживут счастливо.

Так и было – на четвертый день впереди показался небольшой лесок, обещающий прохладу и тень. Постепенно под ногами их кобылы появились почва и зеленая трава. Мальчик с наслаждением лег на прохладную землю, отчего вновь почувствовал себя живым. К закату они добрались до места. Среди деревьев притаился небольшой каменный дом с обрушившейся крышей. Дверь в него была закрыта на деревянный засов, не было ни замков, ни решеток. В этом лесном пристанище посреди пустыни и обосновались мать и сын. Через несколько месяцев родился Раймонд. Хейлу пришлось помогать матери – он принимал роды. Как только младший брат впервые заплакал, мальчик понял, что ему нужно становиться мужчиной, чтобы защищать свою семью.

Пять лет спустя он сидел со своим братом на стволе трухлявого дерева и уверял его, что все будет хорошо, хотя сам с трудом в это верил. В последние четыре года дождей практически не было, и солнце – что летом, что зимой – грело одинаково сильно. Трава пожелтела, деревья засохли, песок стремительно подбирался к ним со всех сторон. Плодородная земля высохла. Хейл смотрел на огород и на то, как мама отчаянно пыталась спасти кусты томатов

от засухи. Приходилось ходить в Ларак, чтобы добыть продовольствие. Когда продали кобылу, мама стала собирать сухую кору, из которой делала эфирное масло или краску. С каждым днем дела становились все хуже и однажды маленький Раймонд спросил:

– А почему мы не можем найти другой дом, где есть вода и зелень?

Хейлу также хотелось узнать причину их заточения, ведь мать никогда не брала мальчиков с собой.

– В городе опасно, там много нехороших людей, которые желают нам зла, – коротко отвечала женщина.

Она была прекрасной женщиной с белоснежной кожей, похожей на снег, который не тает под палящим солнцем. Добрая улыбка и темно-синие глаза, казалось, таили в себе секреты мироздания. Каштановые волосы она заплетала в косу, одевалась в простое льняное платье, которое никак не могло скрыть ее худобы.

– Но мы были с тобой там, в Лараке! Мне тогда показалось, что все дружелюбны и обходительны. Это – богатый город, где я мог бы найти работу. Ведь я уже не ребенок, мама, – смело заявлял Хейл.

– Мой храбрый мужчина, – проводила она рукой по его густым волосам. – Много изменилось за это время. Некогда богатый город погрузился в нищету и отчаяние. Люди там совсем одичали и дерутся друг с другом за возможность съесть лишний кусок.

– Если там так опасно и нечего есть, почему ты ходишь туда?

Раймонд всегда был особенно привязан к матери и боялся за нее больше, чем за себя. В такие моменты мальчик отличался особенной сообразительностью. Матери иногда казалось, будто с ней разговаривает не пятилетний сын, а взрослый и рассудительный юноша.

– Мой малыш, – сажала она его на колени, – за меня совершенно не стоит волноваться, я смогу постоять за себя. Главное, чтобы вы были в безопасности.

– Мы могли бы уплыть отсюда по морю, вернуться в Антарту, найти место по душе и наконец зажить той жизнью, о которой всегда мечтали, – настаивал Хейл.

– Не все так просто, Хейл, – отвечала мама.

– Почему не просто? От чего ты хочешь нас защитить?

– Когда придет время, вы все узнаете, а сейчас не стоит говорить об этом.

Больше матушка не позволяла поднимать эту тему, несмотря на попытки детей разговаривать ее.

Мальчики напряженно всматривались в пустынную даль. Солнце постепенно уходило за горизонт, уступая место ночи, и долгожданная прохлада опускалась на обожженную землю. Хейлу кое-как удалось успокоить брата и они стали готовиться ко сну. Поужинали черным хлебом с ломтиком сыра, запив травяным чаем. Хейл помог брату обмыться в корыте с теплой водой – практически целый день она грелась на солнце. Промокнув тело брата чистой простыней, Хейл на руках перенес малыша в дом, чтобы тот не испачкал ноги в песке.

Вся их жизнь умещалась в небольшой комнате с кухней и спальней, которые разделяла старая потрепанная ширма, но на ней все еще можно было различить рисунок: разноцветные птицы сидели на ветке кедра, словно подсматривая за жизнью хозяев маленькой лачуги. С одной стороны от ширмы стоял массивный деревянный стол с табуретами, которые отличались один от другого, так как матушка купила их в разное время у разных торговцев. С другой стороны расположилась кровать, изголовье которой было утеряно. На тонкой перине спали Раймонд и Хейл, а их мама – на соломе на полу под окном, подложив под голову сложенный старый плащ или кусок ткани.

Братья улеглись в постель и Хейл сразу же уснул. А вот к Раймонду сон никак не шел – длинные тени сухих деревьев, словно острые когти, подкрадывались, желая добраться и растерзать его. Мальчик то прятался под простыню, то, вновь ощутив себя храбрым рыцарем,

всматривался в сумрак комнаты. В ту ночь переживания за маму усилились. Как она там? Что с ней случилось? Почему ее так долго нет? Предательские слезы вновь обожгли глаза, но в этот раз мальчик сдержал их, чтобы старший брат не проснулся от его всхлипов. Отвернувшись к стене, Раймонд попытался уснуть, но странное внутреннее ощущение требовало, чтобы мальчик обратил на него внимание. Сев на кровати, он осмотрелся. Не было ничего необычного, может быть, это тени зовут его, желая захватить в свои колючие объятия. «Нужно идти, пойдем», – внутри все кричало об этом и придавало сил. Раймонд осторожно спустился с кровати и оглянулся, чтобы убедиться, что Хейл крепко спит. На цыпочках он пробрался к двери и, отворив ее, выскользнул на улицу.

Месяц светил настолько ярко, что все вокруг было хорошо видно. Ночная прохлада пробралась под хлопковую рубашку мальчика, лизнув его тело, отчего все оно покрылось большими мурашками. Он чувствовал, что должно произойти что-то плохое, но никак не мог понять, с кем именно. Какая-то неведомая сила тянула мальчика к себе, звала его. Страх вел его прочь от дома, туда, откуда исходила опасность. Раймонду хотелось вернуться и разбудить Хейла, позвать с собой, спасти от чего-то ужасного, что так терзало его сердце, но ноги вели все дальше.

В свете луны деревья казались великанами, следившими за ним безликим взором. Песок, который еще днем поднимал ветер, ночью лежал спокойно, словно боялся древесных стражей. Редкая сухая и колючая трава больно колола детские стопы. Раймонд слышал, что где-то рядом шипят змеи, мечтая отведать человечины. Его сердце трепыхалось и просило вернуться назад, но он продолжал идти. Забравшись на небольшой песчаный курган, Раймонд оцепенел от волны дикого ужаса, сжавшей его колючей рукой – к нему шел человек.

Темная фигура была в нескольких футах от него, но быстро приближалась. Инстинкты кричали: «Спасайся! Беги!», но парализующий страх не отпускал.

– Раймонд! – услышал он знакомый и взволнованный голос. – Что ты здесь делаешь, малыш? – силуэт в один момент настиг его и заключил в тесные объятия.

Это была мама. Никогда прежде он не испытывал такого облегчения и счастья.

– Почему ты здесь посреди ночи? Где Хейл? – обхватив ладонями его лицо, спросила она.

Мальчик не успел ответить на ее вопрос – мама взяла его на руки и пустилась бежать. Раймонд внимательно посмотрел на мать – ее внешний вид напугал его: на красивом белом лице зиял огромный пурпурный синяк, бровь и губа были разбиты в кровь, синие глаза стали черными, жесткими и сосредоточенными. Она бежала легко и непринужденно, словно у нее на руках не было пятилетнего ребенка.

– Мама, – обеспокоенно начал Раймонд. – Где ты была? Что с тобой случилось?

– Со мной все в порядке, мой храбрый мальчик. Сейчас мы заберем твоего брата и отправимся в путешествие.

– В путешествие? А куда мы отправимся? И почему?

– Всему свое время, сын, я все расскажу вам чуть позже. Сейчас нам нужно отправляться в путь.

Вихрем ворвавшись в дом, мать опустила Раймонда на пол и подбежала к старшему сыну. Стянув с него одеяло, она быстро скомандовала:

– Хейл! Проснись! Мы уходим! Немедленно!

– Мама? – сонно протянул юноша. – Что происходит?

– Нет времени объяснять. Быстро! Возьми только самое необходимое!

Женщина быстро перемещалась по комнате, сгребая необходимые вещи. В простыню, которой укрывались мальчики, она сложила какие-то вещи, мех с водой, хлеб, головку сыра, пару репок и морковь. Связав все в узел, передала его Хейлу. Нагнувшись за Раймондом, одной рукой подняла младшего сына, другой взяла за руку старшего.

– Куда мы идем? – на удивление спокойно спросил Хейл, словно они проделывали подобное постоянно.

– Позже! Все позже! – коротко ответила женщина.

Выбежав из дома, огляделась по сторонам, словно хищница, загнанная в угол. Мгновение она принимала решение, в какую сторону податься, затем, обогнув дом, трое пустились в бег. Хейл изо всех сил старался поспевать за матерью, шаги ее были легкими и быстрыми. Юноша всегда поражался скорости, с которой могла бегать его мама, но сейчас она двигалась быстрее обычного, будто за ними кто-то гнался. Его дыхание постепенно сбивалось, сердце бешено стучало. Увидев, что сын не поспевает, женщина сбавила темп, но по-прежнему бежала достаточно быстро.

Тем временем со всех сторон их обступила пустыня, дом и редкие деревья остались позади и постепенно скрылись за песчаными дюнами. Бежать становилось все труднее, ноги увязали в песке, гремучие змеи и скорпионы в страхе расползались по своим норам, чтобы пропустить беглецов. Хейл оглянулся, ожидая увидеть погоню, но за ними никто не гнался. Сильно запыхавшись, он отпустил руку матери и остановился.

– Хейл, в чем дело? Нам нельзя останавливаться, нужно продолжать путь, – женщина подошла к сыну и положила руку ему на плечо.

– От чего мы бежим, мама? Что с тобой случилось? Твое лицо в крови! Расскажи мне, я могу помочь, я сильный!

– Мой мальчик, сейчас не лучшее время для объяснений.

– А когда будет лучшее время?

– Мама, – жалобно протянул Раймонд. – Мне страшно.

– Не бойся, мой храбрый мальчик, скоро все закончится и мы снова будем в безопасности.

– Я хочу домой, – тянул малыш.

– Так куда мы бежим? Или от кого? – не сдавался Хейл.

– Сынок, – мольба и боль застыли в синих глазах женщины, которые в темноте ночи казались черными. – Нам нужно двигаться дальше. Обещаю, я все вам объясню, как только мы доберемся до места.

– И где это место?

– Если не будем останавливаться, к рассвету должны оказаться там.

Хейлу ничего не оставалось, как послушаться мать, ведь выбор у него был невелик – либо вернуться назад в умирающий оазис, где их могли ждать преследователи, либо отправиться в неизвестность, вновь доверившись взрослому. На этот раз юноша не отставал и бежал практически вровень с мамой, а Раймонд уснул на ее плече.

Несколько раз Хейл выбивался из сил и останавливался, чтобы перевести дух и попить воды. Успокоив дыхание, они вновь продолжали свой путь. Пейзаж вокруг не менялся – бескрайняя пустыня, залитая песком и освещаемая тонким месяцем, уходила в бесконечное ночное небо. Все, о чем мечтал Хейл – остановиться и отдохнуть. Он сильно вымотался, но еще больше ему хотелось узнать истинную причину их ночного побега. Цвет неба стал меняться на светло-голубой с оранжевыми полосами, близился рассвет. Женщина сбавила темп и скоро остановилась.

– Мы пришли, – обозначила она.

– Пришли? – тяжело дыша, переспросил Хейл.

Юноша огляделся по сторонам и не увидел ничего, ради чего следовало бы проделать столь долгий и утомительный путь. Вокруг был лишь песок и единственный камень, у которого мать положила еще спящего Раймонда.

– И куда мы пришли? – не понимал Хейл.

– Мой храбрый мальчик... Нет, уже мужчина, – в своей манере начала женщина ровным и спокойным голосом с добрым выражением лица, словно она и не бежала через пустыню всю ночь с ребенком на руках. – Пообещай мне одну вещь, она крайне важна.

Хейл потупился, ему не нравилось то, как начался разговор. Его сердце вновь ускорило ритм и больно сжалось в груди, но не от бега, а от того, что ему предстояло услышать.

– Позаботься о Раймонде, если со мной что-нибудь случится.

– Я не...

Женщина закрыла ему рот рукой, не дав закончить фразу. Мать слегка надавила на его плечо, вдвоем они опустили на теплый песок.

– Главное, запомни, мой храбрый мальчик: вы с Раймондом – братья. И, что бы ни случилось, должны заботиться друг о друге. Ваша кровь – это дар, посланный Матерью. Люди готовы пойти на многое, чтобы заполучить ее.

– Наша кровь? – мягко убрав руку матери, Хейл попытался понять, о чем она говорит. – Зачем кому-то может понадобиться наша кровь?

– Вы – потомки древнего рода авест. В ваших жилах течет огненная кровь – кровь, которая была дарована Матерью в момент ее падения на землю, – голос женщины сделался тихим, словно каждое слово, сказанное ею, вырезалось в памяти острым ножом.

– Огненная кровь, дарованная Матерью? – Хейл хмурил брови, пытаясь понять, о чем говорит его мать. – Что это значит?

– Это значит, что ты можешь повелевать огнем.

– Получается, что я – колдун? – юноша не знал, как реагировать на услышанное, ведь он много раз разводил костер, но никогда не повелевал им, разве что следил, чтобы огонь не погас.

– Наш род восходит к Древней Пасифиде, родительнице авест и колыбели Богини-Матери. Наш предок – великий врих Остан Огненный, правивший Пасифидой тысячу лет. Так сложилось, что город пал. Наш народ был изгнан со своих земель, за нами началась охота. Более десяти тысяч лет народ, гонимый отовсюду, вынужден скитаться по земле и искать пристанище, скрывая то, кем мы являемся на самом деле. Колдуны всю жизнь постигают знания, чтобы хоть на толику приблизиться к силе Матери или богов – детей ее. Мы же наделены силой по праву рождения. У каждого из нашего рода свой дар, который он развивает в течение жизни. Раньше мы использовали силу, чтобы жить в гармонии с Матерью и миром, но сейчас от некогда великой Пасифиды остались крохи, разбросанные по всей земле.

– Мама, ты, наверное, что-то напутала, – в голосе Хейла звучало сомнение. – Я не могу повелевать огнем, я столько раз разводил костер, но... Кто за нами охотится? Зачем мы им нужны? Мы ничего плохого никому не сделали.

– Нет, мы ничего плохого не сделали, – женщина взяла сына за руку и поцеловала ее. – И я не могу ошибаться в своих словах, ведь я сама авеста, а значит, мои дети тоже. Ты родился в холодный дождливый летний день, стены и крышу нашего дома в Кирзе покрывал густой мох. Ты, наверное, не помнишь этого, но в день, когда ты родился, мох зацвел. Представляешь? Такое случается крайне редко. Мох цветет лишь тогда, когда рождается огненный ребенок авеста – повелитель пламени Матери.

– Я что, божество? – изумленно спросил Хейл.

К такому откровению юноша явно не был готов, и то ли от этой новости, то ли от усталости тошнота подступила к горлу и его вырвало водой.

– Нет, милый, ты не божество, ты мужчина, смертный, но особенный.

– Кем был мой отец?

– Твой отец был человеком, бравым воином и славным мужчиной. Он желал твоего рождения, но, к сожалению, с ним случилось нечто ужасное.

– Он умер? – глаза юноши широко раскрылись – наконец-то мать хоть что-то сказала о его отце, но мысль о том, что он умер, раздосадовала его.

– Нет, сынок, твой отец в полном здравии, насколько мне известно.

Женщина понимала переживания своего сына и, рассказывая обо всем, сочувственно на него смотрела. Будь ее воля, она бы забрала себе часть его мук и терзаний. Но эта участь выпала на его долю, ему самому нужно пройти через это, чтобы стать взрослее и мудрее.

– Тогда я не понимаю, – Хейл потрянул головой, словно хотел упорядочить мысли.

– Вновь сгущаются тучи, Хейл, трайтеры просыпаются. Они дремали почти две тысячи лет, дав нашему народу немного окрепнуть, и вот они вновь созывают свой орден.

– Кто такие трайтеры?

– Это люди, чьи сердца возжелали возвышения и величия. Им недоступна сила авест, но они стремятся заполучить ее во что бы то ни стало. Трайтеры исповедуют темное, запретное колдовство, построенное на крови и жертвоприношении. Они веками охотятся на чистокровных авест, чтобы забрать себе их силы и возродить божество – Саргона.

– За нами пришли трайтеры? – в голосе Хейла прозвучал страх.

– Да, мой милый, они нашли нас. Я всеми силами старалась уберечь вас, спрятать подальше от людских глаз, но мне не удалось, простите меня за это. Рано или поздно они настигнут нас и ты должен пообещать, что не станешь спорить со мной, что бы ни случилось. Если я скажу бежать, ты возьмешь Раймонда и убежишь так далеко, насколько сможешь. Обещаешь?

– Но... Мама, я не... Как я...

– Если мои трактования верны, то ты, храбрый мальчик, унаследовал силу вриджа, силу, способную пробудить Матерь ото сна и с ее помощью победить врага, который вновь собирает силы. Тогда у нашего народа появится шанс жить дальше, рожать детей и не бояться за их будущее.

– Но почему ты раньше не говорила нам об этом? Ты могла меня научить использовать силу... Как ты там сказала?

Хейл с недоверием смотрел на мать. С одной стороны, ее рассказ казался логичным и объяснял, почему она прятала их. С другой, почему она все это время скрывала, кто они? А может, она все преувеличивает и нет никаких трайтеров, а вся эта ночная прогулка нужна лишь для того, чтобы напугать их и отбить желание покидать дом?

Женщина смотрела на сына ласковым взглядом, словно слышала его мысли и не торопилась прервать их ход, а хотела, чтобы он сам додумался, но вот до чего? Выдержав паузу, мать все же ответила на вопросы Хейла.

– Иногда, мой мальчик, счастье заключается в неведении. Я мечтала, чтобы мои дети росли свободными людьми, не знающими страха и притеснений, и, признаюсь, какое-то время у меня это получалось. Есть обстоятельства, на которые я никак не могу повлиять, они оказались сильнее. Мне пришлось бежать с одним ребенком на руках и со вторым – в утробе, чтобы попытаться дать вам нормальную жизнь. Если бы я рассказала вам раньше о том, кто мы есть, удержать вас на одном месте я бы уже не смогла. Сила вриджа огромна. У нас нет достаточных знаний о том, как правильно ее использовать. Только верховный вридж способен на это. Но связь с последними представителями нашего народа утеряна, а значит, и с верховным тоже.

Раймонд зашевелился, перевернулся на спину. Частицы песка угодили ему в нос и он громко чихнул. Потерев глаза, малыш сел и уставился на своих родных. Мать ласково провела рукой по его волосам и улыбнулась.

– Доброе утро, мой храбрый мальчик, – сказала она своему младшему сыну.

Между тем первые лучи солнца показались из-за горизонта, постепенно освещая все вокруг. Женщина явно занервничала и начала тараторить, стараясь как можно больше рассказать сыну.

– Хейл, всегда помни об обещании, которое ты мне дал. Времени мало, слушай внимательно и запоминай. Имя нашего врага – Ханар Эпперли, он стремится к власти и не остано-

вится ни перед чем. Его деяния ужасны и противоестественны, я не могу в полной мере рассказать тебе о них. Помогает ему безродный колдун Исиндомид. Поговаривают, что он променял собственную душу на бесконечную силу от самого Саргона. Если они вас настигнут, то всему конец.

– Мама, ты это о чем? – протянул Раймонд.

– Тебе все расскажет Хейл, а сейчас нам пора идти, – женщина взяла младшего сына на руки и еще раз с нежностью взглянула на своего первенца.

Солнечный свет упал на лицо женщины и Хейл на мгновение замер – он словно впервые увидел лицо матери: глубокие темно-синие глаза, прямой маленький нос с немного вздернутым кончиком, пухлые губы, которые в легкой улыбке образовывали ямочки на щеках. Вьющиеся каштановые волосы оттеняли белоснежную кожу, отчего та казалась практически прозрачной и хрупкой – одно неосторожное движение могло разбить всю эту красоту. Даже синяк с разбитой губой ничуть не портили ее облика. Хейл осознал: мама все это время бежала не от выдуманных проблем, а от реальных людей, которые желали им зла. Ему было немного стыдно за то, что он посмел обвинять ее во лжи и отсутствии рядом. Он никогда не говорил маме об этом, но, оставаясь наедине с собой, позволял себе грубые мысли.

– Сейчас, – коротко сказала женщина и взяла Хейла за руку.

Солнце медленно выкатило свой бок и залило светом пустыню. Воздух вновь стал танцевать и наполняться жаром. Женщина стояла лицом к камню, под которым спал Раймонд, ее взгляд стал сосредоточенным. Воздух перед камнем стал плотнее, появилась едва заметная пелена. С Раймондом на руках женщина шагнула в эту пелену, потянув за собой Хейла.

В одну секунду мир изменился: вместо палящей пустыни вокруг была неизвестная гористая местность. Здесь солнце уже опускалось за горизонт, приближались сумерки. Женщина медленно двигалась вперед, осматриваясь по сторонам. Хейл следовал за ней. Мыши выползали из своих нор, а проснувшиеся совы слетали с веток, чтобы полакомиться. Все это пугало еще больше.

Вскоре они вышли к быстрому ручью и остановились. Раймонд, все это время тихо сидевший на руках у матери, неуверенно прошелся вдоль него, с интересом разглядывая прозрачную воду. Хейл наполнил мех свежей водой, а мать разломала хлеб и сыр. Ужин прошел в полном молчании. Все напряженно вслушивались в звуки леса, словно ожидая чего-то. И это что-то произошло.

– Заставила же ты нас побегать за тобой, Тея, – раздался низкий мужской голос откуда-то из темноты.

В жилах мальчиков застыла кровь, а женщина, встав перед своими детьми, пыталась защитить их от невидимой угрозы.

– Хейл, – тихо обратилась к нему мать. – Помнишь, о чем мы с тобой говорили?

– Угу, – неуверенно протянул тот.

В темном лесу зазвучал женский смех, высокий и чистый. В обычный день им можно было бы заслушаться, но сейчас он звучал устрашающе. Смех то удалялся, то приближался, блуждал между деревьев – невозможно было понять, откуда именно он доносится. Его владелица то шептала, то кричала, смеясь:

– Тея, Тея, глупая овечка! Мы тебя нашли...

Незванные гости не торопились показывать свои лица, а женщина пятилась к ручью в надежде спасти своих детей. Два факела вспыхнули в нескольких футах от них. Тусклый свет упал на лица недоброжелателей, и Тея узнала их без труда.

За ними пришли трое – двое мужчин и одна женщина. Самого крупного и высокого мужчину с густыми до плеч русыми волосами и суровым взглядом звали Ханар Эпперли. Он сидел на корне высокой ели, вертя в руках маленький тычковый нож. Одет был легко: безрукавка из вареной кожи, бриджи и кожаные сапоги. Рядом с ним лежала секира. Факел неровно

освещал его лицо, тени, пляшущие на нем, делали его грозным и опасным. Черные глаза зло поблескивали, тонкие губы были сжаты в опасной ухмылке, а нос был настолько кривым, что складка между густых бровей казалась его продолжением. Он молча буравил взглядом женщину с двумя детьми – было непонятно, отчего он медлит.

– Послушай меня, Ханар, давай разойдемся. Прошу тебя, отпусти нас. Мои мальчики напуганы, – взмолилась Тея.

Раздались ехидные смешки двух спутников Ханара. Рыжеволосый мужчина с бородой был ростом ниже своего господина, но крепко сложен. На нем был стальной панцирь, плотно облегающий тело, штаны, поверх всего была надета кольчуга, а на поясе с обеих сторон свисали длинные мечи. Женщина, пожалуй, выглядела наиболее устрашающе. Она была миниатюрной и очень худой. Черные, как смоль, волосы были собраны в косы, завязанные узлом на затылке. Лицо было настолько гладким и белым, что, когда она не улыбалась, казалось фарфоровым. Узкие глаза и тонкие губы придавали ее лицу кукольность. Одетая она была как мужчина – в коричневую куртку, поверх которой была кольчуга, кожаные ботинки и высокие сапоги, а в свободной руке держала копьё с острой пикой.

– Вы слышали? Друзья мои, наша Тея предлагает отпустить ее. Я не могу принять такое решение единолично. В твоих поисках принимал участие не я один. Что думаете? – с издевкой спросил Ханар и повернулся к своим спутникам.

– Я пять лет искала эту суку и вот она здесь, передо мной! Теперь я ее никуда не отпущу! – женщина залилась смехом, от которого становилось не по себе.

– А что ты скажешь, Од? – обратился Ханар к мужчине.

– Мы пришли сюда с одной целью и изменять ей я не намерен, – безразлично отозвался он.

– Вот видишь, милая, мы никак не можем отпустить тебя, – Ханар Эпперли попытался проявить наигранное сочувствие. – Но, если ты будешь послушной и сделаешь так, как мы велим, то, как знать, возможно, мы сохраним тебе жизнь. Отдай мальчишку и мы уйдем.

– Этого не будет, ты не получишь моих детей! – защищаться Тея было нечем, но она не собиралась уступать.

– Господин, – женщина хихикала, ее явно забавляло то, что сейчас происходило, – мальчишек двое.

– И правда, – Ханар криво улыбнулся, по его виду было непонятно, обрадовала его эта новость или раздосадовала. – Тея! Когда ты успела родить еще одного ублюдка?

– Единственный ублюдок здесь – это ты! – сплюнув на землю, Тея оскалилась.

Этот жест лишь развеселил троицу. Ханар схватился за переносицу и, тяжело втянув воздух, отдал приказ. Дальше все было настолько быстро, что мальчики не сразу осознали происходящее.

Ханар резким движением бросил нож в Тею, острие по рукоять вошло в плечо женщины. Рыжий мужчина по имени Од Куулайс в два больших прыжка оказался рядом с Хейлом, приставив меч к его горлу. Женщина, Укуфа Бхинрот, схватила Раймонда. Мальчик брыкался и не хотел просто так сдаваться, но он был лишь слабым пятилетним ребенком против взрослого человека, пускай даже и женщины.

– Пусти меня! Отпусти! – кричал Раймонд, вырываясь. – Мама!

Укуфа закатила глаза и ударила его по щеке, разбив губу. Мальчик упал, кровь стекала ему в рот и по подбородку. Он хотел заплакать, но слезы словно высохли в глазах.

– Не трогай мальчиков, прошу! – Тея стояла на коленях, придерживая рукой рану, из которой торчал нож и струей лилась кровь. – Убей меня, если тебе так угодно, но отпусти детей.

Ханар нагнулся к ней и больно сжал рукой подбородок. Лицо его ничего не выражало, только в глазах светился страшный огонь.

– Который из них? – тихо, но очень четко спросил он у Теи.

Женщина смотрела ему прямо в глаза, понимая, что он не собирается ей уступать или пощадить кого-то из них. Ей оставалось лишь одно – попытаться освободить своих детей и дать им малейшую возможность сбежать.

– Да пошел ты! – сквозь зубы выдавила Тея и попыталась головой ударить Ханара.

Ожидаемого эффекта не произошло, женщина лишь слегка прикоснулась к нему.

– А вот это ты зря! – Ханар схватил рукоять ножа и провернул его вокруг своей оси.

Тея закричала от боли, поток крови усилился, ее рука онемела. Этого Ханару показалось мало и он с силой ударил по ее лицу. Женщина упала.

– Мама! – закричали мальчики в один голос.

– Я повторяю вопрос, – Ханар говорил негромко, но его голос в ночном лесу звучал, словно раскаты грома. – Который из них?

– Господин, – обратился Од Куулайс, не сводя глаз с Хейла, – давайте заберем обоих, колдун сам разберется, кто из них нам нужен.

– Ну уж не-ет! – хихикая, протянула Укуфа Бхинрот. – Путь нам предстоит ох какой длинный, господин. Мальчик нам нужен живым, с одним справиться легче. Что, если они взбунтуются? Того и гляди придется прирезать какого-нибудь по дороге.

– А что, если нам нужны двое, господин? – не согласился с ней Од. – Может, кровь огня у двоих?

– Кто из вас двоих ублюдков авеста?! У кого из вас огненная кровь?! – гремел Ханар, обращаясь теперь уже к мальчикам.

В ответ он получил лишь тишину. Тогда мужчина подошел к Оду, вытянул из его ножен второй свободный меч и одним ударом вогнал его в живот Теи. Кровь потекла изо рта, она начала хрипеть. Мальчики застыли в ужасе. Из глаз Хейла брызнули слезы. Он понимал, что Ханар искал именно его, но слова застряли у него в горле.

– Укуфа! – приказал мужчина.

Женщина со смехом крутанула копьё в своей руке и его острие оказалось напротив груди Раймонда.

– Спрашиваю в последний раз: кто? – Ханар сверлил Хейла обжигающим взглядом.

– Я! – хрипя, протянул он. – Я – авеста, в моих жилах течет огненная кровь!

Раймонд смотрел на все происходящее и пытался совладать с нахлынувшими на него чувствами. Он видел умирающую маму на земле, а брата, по всей видимости, ждала та же участь, а может, и еще страшнее. А что будет с ним? Его убьют или оставят в лесу на съедение диким зверям? У него не было времени разбираться, о чем они говорят, что такое огненная кровь, у него была только одна мысль – спастись самому и помочь брату. Его страх сменился злостью, в один момент он возненавидел убийц, пришедших за ними. Он ненавидел огромного Ханара, коротышку Ода и эту сумасшедшую Укуфу. Все, о чем малыш мечтал – перебить их так же, как они поступили с его матерью. Раймонд видел, что Ханар подошел к Хейлу и воткнул нечто черное в его живот. Едва заметное синее пламя пульсировало вокруг неизвестного оружия. Хейл скорчился от боли, брызнула кровь изо рта. Мальчик упал на колени – жизнь угасала в его глазах.

Раймонд почувствовал внутри невероятную ярость, которую раньше никогда не испытывал. Она обжигала его изнутри, разрывала его плоть и требовала немедленного выхода. Воздух вокруг него заплескал, тело его потряхивало, но это был не страх. Он схватил руками копьё Укуфы – острая пика в один момент расплавилась и большой стальной каплей упала на землю. Женщина пыталась остановить его, пыталась удержать руками, но все, что слышал Раймонд, был ее истошный вопль. Ханар и Од повернулись к нему и хотели схватить мальчика, но они не могли подойти близко. Когда Хейл запертво упал на землю, злость Раймонда смешалась с горечью утраты и переросла в истинную ярость. Не в силах больше сдерживать ее, он отпу-

стил разрывающее и прожигающее чувство за пределы своего тела. Последнее, что Раймонд запомнил перед тем, как потерять сознание – всепоглощающее пламя вокруг него, пламя, сжигающее его прошлую жизнь.

Глава 1

Двое в комнате предавались любви. Мужчина лежал на девушке, ритмично покачивая бедрами. Его тело блестело от пота, светлые волосы спутались и налипли на лицо, сильные руки ласкали девичье тело, наслаждаясь прекрасными формами и изгибами. Мужчина приближался к пику своего удовольствия. Каштановые волосы девушки были также спутаны и влажны, она извивалась под ним, чтобы помочь ему поскорее закончить. Девушка со скукой разглядывала обстановку комнаты и потолок, искусно выложенный мозаикой, рассказывающей историю восхождения солнца и луны, изображающей созвездия.

На тумбе у кровати стоял фонарь. Его стенки были спаяны из кусочков витражного стекла, горевшее внутри пламя рассеивало причудливые разноцветные узоры, наполняя комнату уютом. Рядом с дверью расположился дубовый стул, массивный и грубый, совершенно не смотревшийся в этой комнате. Кровать стояла напротив витражного окна, на котором жар-птица совершала утренний полет. Жар ее перьев ласково будил, даря ощущение спокойствия и умиротворения. Ночью же в свете луны птица, как волшебный страж, охраняла сон хозяина помещения. Под окном стоял резной сундук, в котором хранились личные вещи мужчины. Вся комната была пропитана уютом и теплом – хозяин трепетно собирал все в единый ансамбль, старался для девушки.

Наполнив лоно семенем, мужчина нежно поцеловал ее в алые пухлые губы, а затем в кончик маленького носика и рухнул без сил рядом, тяжело дыша. Прикрыв упругую грудь простыней, она повернулась на бок и внимательно посмотрела на него. Перед ней лежал ее будущий муж – златовласый мужчина с тонкими губами и прямым носом. Белая кожа оттеняла голубые глаза, подернутые влагой. Его взгляд всегда отличался мягкостью и проницательностью. Мужчина был среднего роста, широкоплеч, с сильным торсом, мускулистыми руками и крепким достоинством. Минувшей весной ему исполнилось девятнадцать лет и теперь он считался достаточно взрослым, чтобы обзавестись семьей.

– Ты потрясающая, – он перевернулся на спину. – И ты – только моя.

Ее улыбка была неуверенной. Она положила ладони себе под щеку. Сердце девушки взволнованно колотилось, но не из-за акта любви, а от осознания того, что ей предстояло сделать.

– Элисфия, с тобой все хорошо? – он провел рукой по ее волосам и заправил выбившуюся прядь за ухо. – Ты молчалива сегодня и загадочна. Переживаешь из-за предстоящей церемонии? Не волнуйся, ты будешь самой прекрасной невестой, которую видела Элимия, а затем – самой очаровательной и замечательной матерью.

Молодой мужчина расплылся в мечтательной улыбке и провел рукой по ее плоскому животу, представляя, как он округлится в скором времени.

– Ты прав, я волнуюсь, – резко вскочив с кровати, она осмотрелась по сторонам.

Обнаружив свое синее платье на полу, девушка наклонилась, открывая соблазнительные виды для своего жениха. Одевшись, она посмотрела на мужчину и, заметив, как вновь напрягается его достоинство, сказала:

– Нет, Рамон, на сегодня хватит любви, я слишком взволнована.

– И как прикажешь мне быть? – он отбросил простыню, нагло улыбаясь. – Ты слишком красива и соблазнительна.

Щеки девушки вспыхнули румянцем. Опустив взгляд, она поправила рукава своего платья в форме листьев. Мелкая вышивка белых цветов покрывала всю ткань, тонкая шнуровка на передней части платья подчеркивала упругую девичью грудь и тонкую талию. Это было одно из любимых платьев Рамона, которое сшила его родная сестра Диона в качестве подарка

на пятнадцатые именины Элисфии. Зная вкус своего брата, сестрица постаралась подчеркнуть все самые аппетитные изгибы его избранницы.

– Если я не уйму свое волнение, ты рискуешь получить невесту, чье поведение будет совершенно неуместным. Ведь я могу дать волю эмоциям, а это, насколько я знаю, не совсем почтительно. Из-за переживаний глаза будут красными, а кожа посереет, тогда я не буду настолько красивой, – сев на край кровати, она стала шнуровать свои кожаные сандалии. – Мне нужно прогуляться немного.

– Я хочу, чтобы моя женщина осталась со мной, – скорчив капризное выражение лица, он потянулся за ее рукой.

Девушка перехватила жест и, быстро поцеловав его в лоб, тихо прошептала:

– Добрых снов.

Легким движением Элисфия оказалась у двери и скрылась за ней.

Комната Рамона располагалась в конце коридора на втором этаже. По пути к лестнице Элисфии следовало пройти мимо двух комнат, которые принадлежали другим членам семьи. Она надеялась, что все спят, но, к сожалению, услышала голоса, доносившиеся из гостиной на первом этаже. Остановившись у края лестницы, девушка прислушалась.

– ...Если ничего не делать, мы обречены, – тихо сказал женский голос, принадлежавший хозяйке этого дома Рьяне Фотсмен.

– Сколько еще нужно времени? – устало спросил мужчина, глава семейства Грир Фотсмен. – Он не слезает с нее ни днем, ни ночью, значит, с ней что-то не так. Я не уверен, есть ли вообще смысл в этой свадьбе. Можно найти для него более подходящую невесту, которая родит ему наследника.

– Ты же знаешь, он любит ее. Это было его желанием взять в жены эту... К тому же в этом городе ничего невозможно утаить. Все давно обо всем знают и, если мы отменим церемонию, что о нас скажут?

– Перестань, – лениво протянул мужчина. – Она всего лишь игрушка для него. Мальчик наиграется и образумится. Насчет отмены свадьбы – не вижу в этом ничего постыдного. Девчонка без приданого и без рода. Если бы не мы, ее прирезали бы, как козу на площади, и забыли бы ее имя. Она нам еще спасибо сказать должна.

Элисфия не стала дальше подслушивать, она хотела лишь одного – выйти на свежий воздух. Спустившись по лестнице, девушка оказалась в небольшой гостиной. Стены комнаты были сложены из белого камня и увешаны картинами предков рода Фотсмен. В центре комнаты стоял большой резной стол на шесть персон, заставленный вазами с цветами и столовым серебром. Четыре больших окна были занавешены плотной тканью цвета морской волны, у противоположной стены располагался камин, занимающий практически всю ее ширину. В детстве Элисфия любила разглядывать диковинные узоры, вырезанные на нем, и сочинять различные истории.

Грир и Рьяна Фотсмены сидели на мягкой софе и пили травяной чай перед сном. Чтобы выйти из дома, девушке следовало пройти мимо них. Разумеется, незаметно это сделать было невозможно.

– Ты почему не в постели, дитя? – приторно улыбнувшись, спросила Рьяна, словно не было слов, сказанных ею минутой ранее.

– Мне хочется прогуляться, очень душно.

Элисфия старалась не смотреть ей в глаза, с Рьяной у них были очень странные отношения: женщина могла в один день вести себя с девушкой как заботливая мать, а в другой – хуже стражника в тюрьме. Ее настроение было очень изменчивым, только по отношению к своим детям она всегда была добра и приветлива.

Рьяна была красивой женщиной – круглолицая, златовласая, некогда мечта всех местных неженатых мужчин. Ее глаза

цвета неба всегда были подернуты влагой и обладали пронизательным взглядом. На плечи Рьяны поверх ночной сорочки из белого хлопка был накинут бархатный халат зеленого цвета.

– А разве не слишком поздно разгуливать по улицам города одной? Что, если тебя кто-нибудь увидит? Что тогда о нас скажут? Что невестка, едва обручившись, гуляет не пойми где и с кем? – Рьяна улыбалась настолько широко и приторно, что, казалось, от натуги у нее сейчас лопнут щеки.

– Я ни с кем не собираюсь встречаться. Хочу подышать воздухом, только и всего, – пожав плечами, ответила Элисфия, понимая, что ей вряд ли удастся выйти до того, как старшие члены семьи отправятся спать.

– Можешь открыть окно. Полагаю, воздух из него будет достаточно свежим, чтобы справиться с духотой, – безразлично сказал Грир Фотсмен.

Элисфия побаивалась мужчину. Он был тих и молчалив, но в минуты, когда от него требовалась твердость и решительность, с ярым остервенением это проявлял. Несколько раз перепадало девушке за непослушание, однажды мужчина избил ее плетью до крови из-за пролитого молока на новый стол, только что покрытый лаком. Она на всю жизнь запомнила перекошенный от злобы рот и горящие презрением маленькие поросычьи глазки. С тех пор выражение его лица при виде Элисфии практически не менялось. Ему не нравилась та роль, которой наделили его старейшины, но он не мог противиться их воле.

– Прошу вашего дозволения провести время на заднем дворе, пока луна не начнет спускаться. После я вернусь в свою комнату, обещаю, – девушка вытянулась по струнке в ожидании вердикта.

– Отправляйся в свою комнату прямо сейчас, – тоном, не приемлющим никаких возражений, ответил Грир.

Девушке пришлось молча последовать приказу главы семейства. Пожелав доброй ночи, она отправилась к себе, хотя комнатой это помещение назвать было сложно. Ей выделили маленькую каморку между кухней и комнатой для прислуги, в которой раньше хранили разный хлам. От крошечного окошка в стене практически не было света или воздуха. Старая кровать в углу, маленький сундук для личных вещей и одна свеча на нем – вот и все убранство.

Элисфия легла на кровать и от досады ударила кулаком в стену. Ее душило это место, эта семья, и речь шла не только о размерах комнаты. Рамон обещал: как только они поженятся, он разрешит ей жить в его комнате, а до тех пор девушка должна находиться у себя. Элисфия не верила, ведь она не раз сталкивалась с обманом и несправедливостью в этой семье. Больше всего на свете она мечтала сбежать из этого дома, города, быть свободной, как птица в небе, но эти мечты таяли с каждым днем. Фотсмены принимали ее лишь до тех пор, пока она могла родить наследников Рамону. Как только они получают свое, кто знает, что ее ждет.

Прислушавшись к происходящему в гостиной, Элисфия поняла, что Фотсмены отправились спать. Подождав еще какое-то время, она тихо вышла из своей каморки и на цыпочках прошла мимо кухни, надеясь, что Мари Мед тоже спит. Но и здесь ее ждала неудача – Элисфия столкнулась с женщиной практически у самого выхода.

– Ох, Мари, прости, пожалуйста, я тебя не заметила, – прошептала Элисфия.

– Нет, – как всегда ответила женщина.

Мари Мед была нелюдистой, ей было чуть больше тридцати лет, но выглядела она намного старше: потухший взгляд, дряблая кожа, поседевшие волосы, собранные в пучок на затылке. Одевалась просто, выбирая платье из крапивы, поверх которого всегда был надет белоснежный передник, и предпочитала ходить босиком, невзирая на погоду.

Когда Мари было четырнадцать лет, ее изнасиловал Шуг Боас – в то время большая проблема для местного управления и спокойствия горожан. Он промышлял воровством, пьянством и разгульным образом жизни несмотря на то, что ему было уже двадцать три года. В тот

день Мари задержалась у отца в кузнице и решила прогуляться около городских ворот, где изрядно выпивший Шуг и встретил ее. Девушка понесла от насильника. Город накрыла волна негодования и протестов, жители требовали наказания, но совет решил поженить их, дабы смыть позор с обоих. Шуг Боас противился этому браку, постоянно повторяя: «Это всего лишь баба! Что вы носите с ней, как с золотой козой? Я оказал ей честь, сделал ее женщиной и наградив убудком. Надеюсь, будет весь в папочку».

Незадолго до назначенной даты Шуг пропал. Искали везде, местные жители дошли до завесы, но его и след простыл. В срок у Мари Мед начались роды. Ребенок родился мертвым. Девушка не смогла пережить того, что выпало на ее долю, и замкнулась в себе. По сей день она говорила только «да» либо «нет» вне зависимости от того, кто и с каким вопросом к ней обращался. Рьяна и Грир Фотсмены взяли ее в свой дом, чтобы она помогала им по хозяйству и с маленькой Элисфией, так как Рьяна была полностью поглощена заботой о своих детях.

Элисфия доверяла Мари, во всяком случае она все равно никому ничего не могла рассказать, поэтому смело делилась с женщиной своими мыслями и планами сбежать из Элимии. Столкнувшись с ней в коридоре, не испугалась.

– Мари, мне нужно уйти. Я вернусь раньше, чем они проснутся, обещаю! Тебе не стоит переживать, – продолжала шептать Элисфия.

– Нет, – Мари взяла ее за руку и потянула обратно к ее камерке.

– Послушай, – девушка аккуратно высвободилась из тонких рук домработницы. – Все будет хорошо, мне нужно кое с кем встретиться и кое-что забрать.

– Нет, – женщина взяла Элисфию за плечи и заглянула ей в глаза с мольбой не делать того, что девушка задумала, но была не в силах остановить ее.

Отворив дверь, Элисфия наконец оказалась на улице. Тусклые фонари слабо освещали ее, языки пламени трепыхались на прохладном ночном ветру. Поежившись, девушка осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что никого поблизости нет и ее никто не видит, но и здесь ее ждала неприятность.

– А, это ты! – раздался скрипучий старческий голос.

Быстро сообразив, что это старуха, Элисфия подняла голову и в окне второго этажа дома напротив увидела сморщенное лицо их соседки.

– Мерзкая потаскушка, из какого борделя тебя Борей к нам принес?

– Госпожа Амриель, – любезно улыбнулась Элисфия. – Давно Вас не видела, успела соскучиться.

– Все дерзишь? Говорила я верховному, надо было убить тебя еще во младенчестве, а теперь ты, отродье, беду накличешь на святую Элимию. Да и Фотсменов за собой утянешь в свою черную пучину. Бедный Рамон! Бедный Рамон! – причитала старуха.

У девушки не было времени спорить со старой женщиной, ясность ума которой с годами угасала. Ее ждали, нужно было торопиться.

Ночь была чудесной, в прохладном воздухе пахло хвоей. Лето заканчивалось, а это значило, что грядут холода и день ее свадьбы, когда она станет леди Фотсмен. От этих мыслей у Элисфии скрутило живот. Спустившись с крыльца, она повернула направо и направилась в самое сердце Элимии – к руинам замка, принадлежавшего некогда основателю этого города Аркему Созидателю. Чем ближе она подходила к месту встречи, тем шире становилась улица. Брусчатка все гуще была покрыта травой, дома встречались реже, дальше – лишь высокие деревья и кустарники. Ей было тяжело идти в гору, дыхание сбивалось, хотелось пить, но нельзя было останавливаться.

На пути стали встречаться большие и маленькие обломки замка из розового песчаника. Лежали они здесь давно, многие были покрыты мхом и поросли травой, из некоторых росли тонкие деревца, разрывая своими стволами плотный камень. Еще один поворот и перед ней встала мраморная статуя беременной женщины. Луна мягко освещала ее прекрасное лицо –

оно было спокойным и умиротворенным. Руки женщины ласково обнимали большой живот, набухшие груди лежали на нем. Волосы были распущены и украшены цветами, птицами и насекомыми. На ее плечи был накинут плащ из тонкого кружева бежевого цвета. Статуя была не намного выше Элисии, это был лик Богини-Матери – матери мира и всех богов.

Девушка практически вплотную подошла к изваянию и заглянула в мраморное лицо.

– Наверное, хорошо быть статуей? – обратилась она к Матери. – У тебя нет никаких забот и обязательств, ты – божество. Как бы я хотела поменяться с тобой местами и обратиться в бездыханный камень, лишь бы не делать того, что предстоит!

Ответом были лишь тишина и легкое дуновение ветра. Того, с кем девушка должна встретиться, еще не было, и это заставляло ее нервничать, ведь сама она сильно запоздала. «А что, если он не дождался и ушел? – пронеслось у нее в голове. – Нет, он бы дождался!» Сев в ногах Богини-Матери, она посмотрела на Элимию. Статуя, а значит, и замок, стояли в самой высокой точке, откуда открывался вид на весь город и лесные уголья. Некогда Элимия простиралась на десятки миль. Прямые улицы пересекались между собой перпендикулярами и уходили вдаль, все городские постройки и жилые дома были построены из розового песка. На домах побогаче были золотые фигуры, чаще всего изображающие различные силуэты Богини-Матери. Те, кто был победнее и не мог позволить себе украшения из золота, все же старались поставить резные деревянные или бронзовые фигуры, изображающие различных зверей, празднества или даже странные, не совсем понятные узоры.

Две тысячи лет назад Аркем Созидатель основал этот город, уверяя, что нашел Древнюю Пасифиду из легенд. Он создал в город колдунов и авест, позволил обычным людям разделять с ними хлеб и соль, чтобы жить вместе в мире и гармонии. Триста лет длилось его правление, Элимия стала новой столицей Антарты. Краше и богаче рода Аркема свет еще не видывал. Сама Богиня-Мать продлевала ему жизнь, но в синюю луну пришли трайтеры. За одну ночь они практически уничтожили полуторамилионный город. Чтобы спасти его, основателя Элимии замуровали в ногах статуи Богини-Матери два сильнейших вриджа Лалия Бесстрашная и Борог Многоокий. Они запечатали короля заклинаниями и силой, использовали его тело, чтобы опустить барьер на то, что осталось от города. Внутри Элимии оказались заточенными чуть больше двухсот пятидесяти тысяч жителей. Постепенно горожане вырождались и нищали, и лишь немногие жители сохранили память о великих временах.

– Удручающий вид, не правда ли? – раздался знакомый голос за спиной. – Века, проведенные в изоляции, не пошли на пользу городу и его жителям. Еще пара десятков лет и лес захватит здесь все, а последние элимийцы превратятся в безграмотных дикарей.

– Я никогда не видела его другим. Мне все равно, что будет с городом через пару десятков лет. Ты опоздал, – не оборачиваясь, сказала Элисия.

– Кто-то не в духе? – мужчина присел рядом, положив руки на согнутые колени. – Фот-смены житья не дают?

– Может и так. Что с того? – казалось, ее голос дрожит от подступивших слез. – Тебя не было полгода. Где ты был?

– Ты же знаешь, Грир и Рьяна категорически против того, чтобы я с тобой общался.

– Что с того, что они запрещают? – в ее голосе слышалась все большая обида. – Когда это тебя останавливало? И ты не ответил на вопрос: где ты был эти полгода? Ты мне был очень нужен.

Мужчина повернулся и Элисии пришлось сделать то же самое. Грозный на вид, он смотрел на нее светлыми глазами, глубокая морщина проходила по широкому лбу. Под крючковатым носом отросла рыжая щетина, большую часть которой съела седина. Одет он был просто – в серую рубашку из льна, шерстяные штаны и кожаные сапоги. В больших ладонях Борея Балитера был невзрачный сверток, который он перекладывал из руки в руку.

– Я не мог прийти раньше, – в его глазах было столько раскаяния и боли, что девушка тут же смягчилась. – Мне потребовалось немало времени, чтобы тайно передать Мари записку. Что было бы, если бы Фотсмены узнали о нашей встрече? Кстати, как тебе удалось уйти?

– Дождалась, пока все уснут, – грустно ответила Элисфия. Она не хотела рассказывать о разговоре со старшими Фотсменами, о том, что она услышала. – И просто ушла.

– Элис? – Борей поднял одну бровь – он всегда знал, когда девушка лжет, а когда нет. – Что с тобой случилось?

– Скажи, – она поправила платье, – в тот день, когда ты меня нашел, рядом никого не было? Живых или мертвых?

– Нет, ты была одна. А почему ты спрашиваешь? – Борей отвернулся и посмотрел на звездное небо.

– Возможно, моя семья еще жива... Я могла бы попытаться найти ее.

Повисло молчание, нарушаемое лишь шелестом листвы от дуновения ветра. Каждый задумался о своем: Элисфия – о своей судьбе и семье, о том, почему ее бросили совсем крохой в лесу, оставив на верную смерть, о том, живы ли они сейчас, вспоминают о ней или нет? Борей всегда сторонился этой темы. Возможно, это событие ввергло его в не меньший шок, чем саму девушку, кто знает.

– Потерпи еще один год, – Борей первым нарушил молчание. – Я знаю, что это очень много, но раньше никак не получится.

– Еще целый год прожить в этом аду? – разочарование вновь сжало сердце Элисфии. – Почему так долго? Неужели нельзя придумать что-нибудь?

– Посмотри вокруг, – кивнул Борей в сторону города. – Что ты видишь?

– Я вижу город, руины и лес, – фыркнула она. – К чему это?

– К тому, что ты не видишь всей картины, – спокойно ответил ей Борей. – Помнишь, я показывал тебе книги с рисунками прекрасного города? То место, где мы с тобой сейчас сидим, некогда было самым прекрасным замком, когда-либо созданным на земле. Белый мрамор, витражные окна, переливавшиеся всеми цветами радуги, широкие коридоры, сводчатые потолки, украшенные фресками и мозаикой, невероятные сады как на земле, так и в воздухе. Каждый камень, каждый дом в этом городе был пропитан таинством и колдовством. Гармония – так можно было назвать это место. Ходят легенды, что вот под этой статуей, – Борей указал на статую Богини-Матери, – покоится сам Аркем Созидатель и до сих пор охраняет город. Говорят, это место – особенное, ведь здесь также покоятся останки Матери и ее энергия питает тело короля, – мужчина замолчал и вопросительно посмотрел на девушку.

– И все это ушло в небытие – замки, витражи и колдовство, а вместе с этим – все величие Элимии. Все это ушло под землю, а то, что осталось, скоро поглотит лес.

– Ты не поняла, – устало помотал головой мужчина.

Элисфия лишь пожала плечами.

– Как думаешь, почему трайтерам всего за один вечер удалось уничтожить такой город, как Элимия? Ведь практически каждый житель был одаренным человеком, им был подвластен контроль над стихиями, энергиями и кто знает, над чем еще.

– И правда! – девушка нахмурила брови. – Как им это удалось?

– Терпение и выдержка, – Борей шелкнул по кончику ее носа.

– Не понимаю. А при чем здесь я? И что я должна понять?

– Для того, чтобы осуществить план по захвату города, трайтерам потребовалось практически триста лет. Они готовились, обучались, передавали свои знания и навыки новому поколению последователей. Так продолжалось до тех пор, пока они не почувствовали, что готовы. Также и для тебя: то, что ты замышляешь, сделать очень трудно и крайне опасно. Если мы поторопимся, то нас казнят на главной площади, прямо вон там, – мужчина указал пальцем на площадь под руинами замка. – И зачем это нам?

– Год! – Элисфия опустила голову. – Я так больше не могу!

– Можешь! Чему я тебя учил все эти годы?

– Воин должен уметь ждать, – пробормотала она.

– Элис! – строго посмотрел на нее Борей и поднялся на ноги. – Я тебе не чужой человек и всегда приду на помощь. Ты же это знаешь.

Элисфия действительно это знала. В первые годы жизни мужчина заменил ей отца, заболел и обучал всему, пока однажды старейшины и совет города не вмешались в ее судьбу, передав девочку на воспитание Фотсменам. Борею было запрещено общаться с ней, но это мужчину не интересовало. Они встречались, правда, тайно. Чем старше становилась девочка, тем сложнее было вырваться из рук приемной семьи.

– Я знаю, Борей, но тебя нет рядом, когда мне это нужно, – Элисфия поднялась на ноги и разгладила юбку платья. – Вот и теперь мне ждать еще целый год. Где будешь ты?

– Обещаю, я буду рядом, – он поднял пальцем ее подбородок. – Теперь все будет по-другому.

Девушка неуверенно улыбнулась.

– Я смотрю, ты все же принес мне то, о чем я просила, – Элисфия указала на сверток из красной ткани в руках мужчины.

– Да, принес. И хочу тебя спросить, зачем тебе это?

– У тебя свои планы, у меня – свои, – коротко ответила она.

– Не хочешь рассказать?

– А ты мне? В чем заключается твой план?

Они были квиты – никто из них не хотел признаваться в своих помыслах. Каждый решил, что тайны они оставят при себе.

– Это чертов корень, – передав красный сверток девушке, Борей скрестил руки на груди. – Сильное средство, выпьешь чуть больше положенного – и все, ты труп. Надеюсь, тебе это известно?

Элисфия развернула ткань – пять скрюченных серых корешков, покрытых влажной землей, лежали в ней. Тяжело вздохнув, она быстро завернула их и спрятала под корсет.

– Мне известны его свойства, – ее ответ прозвучал резче, чем она хотела.

– Элис? – Борей подозрительно поднял одну бровь.

– Я хочу уйти отсюда и сделаю это, – отчеканив каждое слово, она развернулась и быстро побрела в сторону дома, оставив мужчину в полном недоумении на руинах старого замка.

Элисфия проснулась, когда был уже полдень. Она никогда так долго не спала, поэтому почувствовала себя разбитой. «Почему меня не разбудили?» – пронеслось у нее в сознании. Девушка подошла к тазу, вода в котором уже остыла, и умылась. Причесав волосы и уложив их в тугую косу, Элисфия надела шелковое нежно-зеленое платье. Отворив хлипкую дверь своей каморки, она с удивлением обнаружила, что в доме было непривычно тихо. Заглянула во все комнаты – никого. Мари Мед, увидев ее в коридоре рядом с библиотекой главы семейства Грира Фотсмена, резко развернулась и убежала прочь, словно от прокаженной.

Дверь в библиотеку была приоткрыта и девушка вошла туда. Это была небольшая, но просторная комната, наполненная светом, воздухом и росписью на выбеленных стенах в виде цветов и лоз винограда. На двух противоположных стенах размещались полки, доверху заставленные книгами. Напротив окна, из которого открывался прекрасный вид на небольшой сад за домом, стоял массивный дубовый стол. На нем был беспорядок: книги стопками лежали на краю, пергаменты были свалены в кучу, перо выпало из чернильницы и наделало немало клякс.

Элисфия обошла стол и присмотрелась к пергаментам – все они рассказывали об истории Элимии. В одних говорилось, что город был основан тысячи лет назад, на других были зари-

совки и схемы главных улиц и построек, в третьих содержалась история Аркема Созидателя. «Зачем ему это? Возможно, Грир Фотсмен хочет найти способ покинуть город?» – закрававшаяся мысль ледяным мечом ранила сердце. Ведь уйти мечтала она, а если Фотсмен старший хочет увести свою семью, то и там, за завесой, ее ждет та же судьба, что уготована здесь. Нет! Такого не должно случиться!

Взволнованная, она выбежала на улицу. Солнце стояло высоко и хоть светило ярко, но в воздухе уже ощущалась осенняя прохлада. Пройдя мимо нескольких домов по улице, девушка продрогла, отчего ей пришлось вернуться в дом и взять кожаный с шерстяной подкладкой плащ жениха. Почему он не надел его в столь холодный день и где были все Фотсмены, Элисфия решила разобраться потом. Жители города были заняты своими хлопотами и им не было дела до девчушки. В конце улицы находилась конюшня. Как и все постройки в Элимии, она была из розового песчаника с массивными деревянными дверями, украшенными кованым железом. Ее встретил конюх Гюгон Ланш, мужчина тридцати лет, невысокий, но крупный, с массивной челюстью и маленькими глазками. Прозвище Кролик он получил за то, что уж больно любил приставать к девкам, особенно молоденьким, поэтому часто получал отказ и нагоняй от их отцов или братьев. Встреча с ним не сулила ничего хорошего. Элисфия это понимала и, не взглянув на него, скупно бросила:

– Доброго дня.

Девушка направилась к стойлу, где стоял ее любимый жеребец, но его там не оказалось. Пришлось обратиться к Ланшу.

– Где Кадл, Гюгон? – тоном, не требующим возражений, спросила Элисфия.

– Его забрали, – безразлично ответил конюх, продолжая вычищать навоз в одном из стойл.

– Кто забрал? Куда? – девушка подошла к нему непозволительно близко и резкий запах навоза, исходивший от него, защипал ей нос и глаза, заставив отстраниться.

– А тебе какое дело? Конь-то не твой. Да и куда ты намылилась? Мужика получше искать? Рамон, небось, никчемн в постели? – он выпрямился и облокотился на лопату, улыбаясь самой отвратительной и бессовестной улыбкой, на которую только был способен.

– Не твое дело, Гюгон. Какую лошадь я могу взять? – она вновь начала заламывать руки, осматриваясь по сторонам.

В ответе не было нужды – он был очевиден. Конюшня была рассчитана на две дюжины коней, еще несколько лет назад стойла были полностью заполнены, но лошади вдруг стали пропадать. Их пытались искать, но безуспешно и теперь в конюшне осталось всего пять животных. Двое из них – старая рыжая кобыла по кличке Удача, что в былые времена помогала вспахивать поля, и совсем молодой, необъезженный жеребец по кличке Дурак, так как слушаться и подчиняться людям он совершенно не хотел.

– Бери кого хочешь, – конюх издал противный смешок, похожий на скрип двери.

Пока девушка накидывала поводья на Удачу, конюх рассматривал ее, словно товар на ярмарке. Она чувствовала на себе его тяжелый взгляд.

– А ты знаешь, что прабабка этой могла летать по небу? – непонятно зачем Гюгон завел этот разговор. – Мой дед рассказывал, что эти твари могли летать на дальние расстояния, настолько огромными были их крылья. Только вот выродились, и эта полудохлая Удача годна лишь поле вспахивать – ни потомства, ни крыльев, – Гюгон сплюнул. – Даже на мясо ее не пустишь, уж больно жилистая.

– Тебя нужно на мясо пустить, – с этими словами Элисфия провела рукой по гриве Удачи.

Старая рыжая кобылка, слово понимая каждое слово, слегка боднула ее головой. Девушка хотела взять своего любимца Кадла, гнедого жеребца, но времени ждать, когда его вернут, не было.

– Да как ты смеешь?! – Гюгон от злости раскраснелся и выронил свою лопату, вымазанную в навозе. – Ты, поганый подкидыш лесных ведьм, гнусных последовательниц трайтеров! Это ты привлекла в наш город разруху и упадок! Это тебя нужно принести в жертву Богине-Матери, чтобы смиловалась над нами и даровала прощение!

Он еще долго сыпал проклятиями, но девушка уже ускакала далеко. Ей опостылело, что каждый в Элимии винит во всех горестях и бедствиях ее, будто есть вина девушки в том, что некогда процветающий город, наполненный жизнью и надеждами, превратился в руины, где люди обречены на вымирание. Миновав последнюю уцелевшую постройку, она поскакала по широкой тропинке, заросшей кустарником и деревьями. Иногда между ними просматривались руины бывших зданий и домов, сквозь траву можно было увидеть небольшие участки сохранившейся брусчатки. Когда-то в этом месте кипела жизнь, а теперь беспощадно наступал лес.

Когда Элисфия выехала из лесочка, уперлась в гигантскую арку больше тридцати футов высотой. Раньше это были ворота в город, десятки таких арок стояли вокруг Элимии и служили ориентирами и маяками для путников. В ночи эти арки светились мягким голубым светом. После войны с трайтерами уцелела всего одна. Местные ее прозвали Аркой скорби в знак траура по павшим воинам и невинным жителям. Элисфия знала это из старых книг по истории, в которых авторы кропотливо зарисовывали каждую деталь прекрасного города.

За этой аркой некогда был терновый путь, вымощенный белым камнем. По бокам располагались величественные белоснежные колонны, покрытые золотом и драгоценными камнями. Дикая роза овивала колонны, приветствуя путников дивным ароматом. Но теперь здесь были лишь земля, дикий лес и бесконтрольно растущий терн. Элимийцы практически не появлялись здесь, считая, что дорога проклята, ведь именно по ней в город пришли смерть и разруха. Что до Элисфии, ее это не волновало, напротив, она любила бродить по этой дороге, мечтая о том, что однажды сможет уехать по ней отсюда.

Рысцой Удача скакала по полям, хотя не так быстро, как мог Кадл. Куда ни глянь – всюду были развалины и камни: одни полностью утонули во мху и запутались во вьюнках, другие стояли крепко и среди них можно было угадать, что за постройка была здесь раньше. Повсюду росли сосны, пихты, ясень и многочисленные кустарники, а между ними – терн, который больно цеплялся за ноги и царапал их.

Элисфия оказалась у реки Тихой. Это был рубеж, отделяющий границы города от внешнего мира, куда невозможно было попасть. Через реку перекинулся чудом уцелевший мост. Но время не пощадило и его: некогда белоснежные камни, из которых он был сложен, отсырели и постепенно падали в реку, мох и плесень пожирала конструкцию, образуя в ней дыры.

Удача сопротивлялась и не хотела переходить через мост. Все усилия Элисфии были тщетны: что бы она ни делала, кобыла отказывалась подчиняться. Оставалось совсем чуть-чуть, поэтому решив больше не сражаться с лошадью, девушка привязала ее к опоре моста рядом с водой и продолжила свой путь пешком. Легко перебравшись через дырявый мост, она оказалась на другом берегу. Растительность тут была гуще, чем в остальной части заброшенного города, ведь здесь начинался настоящий лес, которому были тысячи лет. Элисфия не сворачивала с дороги, кое-где все еще встречалась брусчатка, служившая ей ориентиром. Деревья росли плотнее и становилось прохладнее. Закутавшись в плащ, она продолжила идти. Тишину леса нарушали только пение птиц, шелест ветра в листве и хруст веток позади нее. Вначале она думала, что это олень или волк, а может, лиса или заяц. Остановившись, всматривалась в лесную чащу, но никого не видела. Сердце ускоряло свой ритм, неожиданно ей стало страшно – может, кто из местных хочет подшутить над ней или, чего хуже, Кролик увязался. Перебирая все эти мысли, девушка пустилась бежать – она чувствовала на себе чей-то взгляд и преследование. Споткнувшись о корень, Элисфия упала, сильно ушибла колено и расцарапала ладонь.

Шаги приближались, она уже слышала их отчетливо. И тут девушка увидела, как из гущи леса вышел мужчина.

Глава 2

Долина была усеяна трупами. Тысячи изуродованных и расчлененных мертвых тел, облаченных в железо и кожу, стали ужином для воронов и мух. В воздухе пахло кровью, фекалиями и смертью. Узкая речка, что протекала вдоль долины, окрасилась в красный и страшно блестела на ярком солнце. Лужи крови уже не впитывались в землю. Дикие собаки в борьбе с птицами за добычу с жадностью и оскалом поглощали части тел павших воинов и лакали из красных луж.

Десять человек, облаченных в черные гладкие доспехи, ходили по мертвому полю, перерезая горло тем, кто еще подавал признаки жизни, и искали среди них командира. Один воин нашел его, грубо схватил человека, лежавшего на земле, и поволок за собой.

Холодные и жестокие черные глаза Ханара Эпперли внимательно следили за действиями своих солдат на поле боя. Увидев, что один из них тащит добычу, мужчина развернулся и пошел к своему шатру.

Его армия была немногочисленной – около полутора тысяч человек, но все они были единым организмом, четко и слаженно сражавшимся на поле боя. Солдаты отдыхали и веселились после победы над врагом: кто-то жарил мясо на костре, кто-то пел песни и пил вино, а кто-то предпочитал отоспаться в палатке и набраться сил. Никому не было известно о планах господина. Он мог приказать выступить уже этим вечером. Знахарки и полевые девы, облаченные в серо-белые платья, помогали раненым и забирали тела умерших.

Господин шел уверенно, в каждом его шаге была решимость и твердость. Он был высок и крепок, панцирь и одежды его не отличались от тех, что были на обычных солдатах: бронзовая броня, надетая под кольчугу, коричневые штаны, кожаные сапоги с нашитыми железными элементами, защищавшими их владельца. Непонятного цвета плащ, измазанный в грязи и крови, покорно волочился за ним. Брови его были сильно нахмурены, образовывая глубокую складку, кривой нос и тонкие губы делали лицо ужасающим, даже опасным. Солдаты и боялись, и уважали его одновременно. Все они боролись за правое дело – изменение этого мира и избавление его от колдовской нечисти.

Когда Эпперли почти дошел до шатра, его окликнули.

– Господин! – торопясь, к нему приближался мальчишка. – Повелитель! Мы нашли... Нашли!

В лагере воцарилась тишина. Все взоры были устремлены на юнца, который, спотыкаясь и падая, спешил доставить весть Ханару Эпперли. Мальчик был худым и щуплым, на вид ему можно было дать лет восемь, хотя ему уже было двенадцать. Оборванный, со взъерошенными волосами и торчащими ушами, он улыбался во весь рот. Едва малец поравнялся с ним, повелитель спросил его:

– Вы нашли *его*?

– Нет, мой господин, но мы наш...

– Тогда из-за чего столько радости?! Вам было приказано найти мальчишку авесту и привести его ко мне живым! По другому поводу отвлекать меня недопустимо! – Ханар уже было развернулся, чтобы уйти в свой шатер, как мальчик его вновь окрикнул.

– Мы не нашли авесту, господин, но мы нашли оборотня!

Тихий шепот пробежал среди солдат, кто-то издал смешок, некоторые насторожились и стали оглядываться по сторонам, а кому-то было все равно – они продолжали заниматься своими делами.

– Меня послали Укуфа Бхинрот и Од Куулайс сообщить вам эту весть. Сказали, чтобы колдун готовился. Они недалеко от лагеря. Меньше, чем через полдня будут у вас и преподнесут вам этот трофей.

Ханар Эпперли никак не отреагировал на это, лишь молча направился к своему шатру под ропот солдат. Отодвинув тяжелый полог, он оказался внутри и его сразу окутал аромат запеченного кабана в меду, подстреленного сыном поварихи еще утром. Дичь красовалась в самом центре стола из красного дерева, в пасти разместили красное яблоко, а рядом стояли блюда со сладкой репой, свежим хлебом и графин с вином. Подойдя к столу с едой, Ханар отломил небольшой кусок хлеба. Свободной рукой отстегнул плащ и тяжелая грязная ткань упала на землю, подняв пыль. Мужчина устало сел на стул с высокой спинкой и осмотрел свои походные покои.

Его шатер был не больше палатки обычного солдата, разве что находился в нем он один, а у солдат такой привилегии не было. Деревянные балки держали серо-зеленую ткань, которая колыхалась на ветру и тихо шуршала. По центру стоял стол для обсуждения тактики с командующими отрядами, на нем – карта Виалосламских степей и план военных действий. Рядом со входом в шатер стоял стол для еды, куда кухарки приносили приготовленные блюда. Ханар ел очень мало, но предпочитал разнообразие на своем столе. Старый деревянный стул был единственным местом, куда можно было присесть. Спал он на земле, предпочитая жесткость земли мягкой перине. Оторванный хлебный мякиш он катал между пальцами до образования плотного шарика и обдумывал план дальнейших действий. Ему нужен был авеста, но как до него добраться и где искать? Мысли его прервал один из командиров отряда.

– Вы позволите, господин? – учтиво спросил он перед тем, как войти в покои.

Ханар Эпперли коротко кивнул и мужчина оказался перед ним.

Он был намного ниже своего господина, лет шестидесяти, седой, но очень верткий человек с темными глазами, крупным носом и густой бородой. На нем была черная гладкая броня, кольчуга под ней и мягкие кожаные сапоги, как и на всех воинах. Длинный меч, свисавший с пояса, еще не был отмыт от крови врагов.

– Докладывай, Осмен, – медленно жуя хлебный шарик, Ханар Эпперли стал внимательно его слушать.

– Наши потери – триста семьдесят три бойца, раненых – около пятисот человек, боеспособных солдат – чуть больше шестисот человек. Если вы решите дать бой в ближайшее время, то мы, возможно, не сможем показать достойный отпор. Нам нужны люди. Если бы мы могли брать пленных или кто-то из армии противника желал бы примкнуть к нам...

– Мой дражайший Осмен Дарк, ты прямо открываешь мне глаза. Спасибо тебе за это, – Ханар улыбался одними уголками губ и это выглядело жутко. – Но, видишь ли, проблема заключается в том, что мне не нужен переметнувшийся сброд. Солдат, предавший своего командира, предаст вновь, тебе ли этого не знать.

Осмен Дарк держался статно, хоть и был бледен – возраст брал свое. Да и нрав Эпперли был весьма непредсказуем. Он мог быть спокойным и рассудительным, а через мгновение превращался в монстра и рубил всякого, кто вставал у него на пути. В сегодняшней битве он показал себя настоящим лидером, его меч сверкал и карал.

– Да, господин, – коротко ответил Осмен. – Солдат легко может сменить свою преданность, но мой опыт говорит об обратном. Солдат – это в первую очередь человек, а человек, которому сохранили жизнь в обмен на его верность, может служить новому господину не хуже, чем старому.

Эпперли недолюбливал его и не пытался этого скрывать. Он считал, что Осмен Дарк не заслуживает того, чтобы быть в его рядах, а уж тем более руководить его людьми. Но, как утверждал Исиндомид, он обладал весьма ценными знаниями и опытом, которыми с радостью поделится с будущим властителем государства.

– Ты так себя утешаешь ночами, Дарк? Что лучше служить мне, чем королю, который протирает задом мой трон?

– При всем моем уважении, сир, – лицо пожилого мужчины вмиг сделалось пурпурным. – Я никогда не скрывал этого факта. Да, я служил королю долгие годы, верно и доблестно сражался под его знаменем. Все меняется, мой господин, более я не принадлежу ему, а служу Вам.

– Ты служишь мне лишь потому, что не смог найти себе иного повелителя. А я пока что воюю без знамен и моя армия – ничто в сравнении с армией короля. Но это лишь вопрос времени. Я знаю, что ты – крыса, Осмен Дарк. Едва запахнет жареным, ты первым побежишь от меня. Единственная причина, по которой ты все еще здесь, среди моих людей – Исиндомид, что ручался своей головой за тебя.

– Вы ошибаетесь на мой счет, господин, – мужчина вытянулся, подобно индюку, а его подбородок нервно затрясся. – Я всей душой и сердцем ратую за наше дело...

– Оставь эти пылкие речи для кого-нибудь другого! – Ханар начал выходить из себя, его брови практически сомкнулись от натуги, поэтому он схватился за переносицу, чтобы немного снять напряжение. – Лучше скажи, как мои люди? Насколько они готовы к следующему походу?

– Милорд, – практически взмолился мужчина. – Прошу Вас, людям нужно немного времени, чтобы восстановить силы. Армия Долины оказалась сильнее, чем мы думали...

– Довольно! – холодный низкий голос разрезал тираду полководца. – Мы задержимся здесь на некоторое время, но не думай, что это твоя заслуга. Можешь так и передать этим сукиным сынам: их господин позволил им зализать свои раны, чтобы в следующей битве они отдали свои никчемные жизни во имя Ханара Эпперли, владыки четырех королевств.

– Как прикажете, милорд, – покорно склонил голову Дарк.

– Где пленник? – также сурово спросил Эпперли.

– Он несколько раз помереть хотел. Над ним сейчас полевые девы хлопчут. Если им удастся удержать его жизнь на этой земле, мы немедля доставим его к Вам, господин.

– Пускай стараются изо всех сил! Иначе кто их будет удерживать на этой земле? Ты можешь идти.

– Да, господин, – не смея перечить, ответил Осман и, слегка поклонившись, стал удаляться, столкнувшись у выхода с другим мужчиной.

– Осман Дарк, – коротко кивнул тот.

– Селиван Фрид, – сощурился глазами, ответил другой и быстро удалился вглубь лагеря.

– Мой повелитель! – отвесив легкий поклон, улыбнулся Селиван.

В свои девятнадцать лет он зарекомендовал себя влиятельным разбойником. В миру его звали Валамон. Молодой мужчина обладал особенным талантом – он мог найти что угодно или кого угодно. Его услуги обходились дорого, не каждый влиятельный лорд или помещик мог себе их позволить. Но вот Ханару Эпперли по неведомым никому причинам он служил безвозмездно, возможно, рассчитывая, что, оказавшись тот у власти, не забудет доброты, оказанной ему. Селиван Фрид был высок, широкоплеч и крепко сложен, темноволосый, с короткой бородкой и маленькими темными глазами, глубоко посаженными в череп и пристально следившими за происходящим вокруг. Невозможно было понять, о чем он думает в данный момент.

– Ты нашел его? – Ханар встал и подошел к столу с едой, налив из стеклянного графина холодной воды в кубок.

– Боюсь, что нет, господин, – перекатываясь с пяток на носки, ответил Валамон.

– И правильно боишься, – одним глотком осушив кубок, Ханар Эпперли стал медленно расхаживать по шатру, рассматривая его, словно увидел впервые.

– Простите, мой господин, но с тех пор, как вы видели мальчишку в последний раз, прошло почти пятнадцать лет. Сейчас он мужчина, разумеется, если все еще жив.

– Знаешь, кто выигрывает войны? – Ханар говорил спокойно, но в его голосе слышалась угроза.

– Армия? Деньги? Оружие? – поджав губы, ответил Валамон.

– Да, безусловно, – мужчина подошел к своему стулу и облокотился на него, выдав подобие ухмылки, – но вот незадача. Встретились две армии с одинаковым количеством воинов, одинаково хорошим оружием, а у их господ достаточно денег, чтобы выиграть сражение. Кто победит?

– Тот, у кого бойцы более опытни и проворны.

– А если и в этом они равны, что тогда?

Валамон потупился. Ему не нравились эти вопросы. Он не был силен в военном деле, но что успел точно уяснить, так это то, что спокойный тон его повелителя всегда означал следующую за ним страшную бурю.

– Надо найти более совершенное оружие, – не дав ответить, продолжил Эпперли.

– Оружие? – переспросил Валамон, явно заинтересовавшись.

– Да, мой юный друг, оружие. И тут можно хорошенько задуматься, какое. Какое оружие самое эффективное? Корабли, сталь, тараны, алхимия, а может, колдовство? Да! Колдовство или магия – как душе вашей угодно будет. Но не жалкие фокусы колдунов и лесных ведьм, а настоящая, дарованная самими богами! Сила, рожденная самой природой! Лишь в ней содержится истинная мощь, которой подвластно все! И мне нужен этот мальчишка! Мальчишка, в чьих жилах течет огненная кровь. Если ты не приведешь мне его живым, то я пушу твою кровь. Глядишь, и она для чего-то сгодится.

– Как Вам будет угодно, – Селиван Фрид коротко поклонился и быстро покинул шатер своего господина.

Оставшись один, Ханар начал готовиться к предстоящему ритуалу. Сняв с себя тяжелый панцирь и кольчугу, размял спину, затекшую под тяжестью стали. Шерстяная кофта и нательная рубаха последовали за броней. Мужчина поднял руки и посмотрел на них. Ужасные ожоги покрывали поверхность кожи от запястья до плеча – напоминание о той встрече с маленьким авестой в темном лесу. Опустив руки в таз с холодной водой, Ханар засмотрелся на ее рябь, вспоминая тот день.

Он помнил все. Это была единственная допущенная им ошибка, которая могла стоить ему жизни. За авесту он принял другого мальчика и убил его, не обратив внимания на щуплого напуганного ребенка. Все произошло быстро. Яркая оранжевая вспышка оставила такие же шрамы на руках Укуфы Бхинрот. Пламя в мгновение поглотило все вокруг, больно обжигая кожу. Од Куулайс, верный друг и советник, вытащил их из пламени. Все закончилось так же быстро, как и началось. Когда огонь погас, мальчика нигде не было. На месте произошедшего осталась лишь выжженная земля, обугленные трупы его родственников и догорающие стволы деревьев.

Ханар Эпперли смотрел на свои обожженные руки сквозь воду и думал, что теперь все будет по-другому, что теперь он готов. Умывшись, он переделся для ритуала в свободную одежду – длинную белую рубаху с широкими рукавами и такие же широкие штаны. Он знал, что ему предстоит, и где-то в глубине души противился этому, но победу по-другому не добыть.

– Ваш подарок уже ждет, мой повелитель, – промурлыкал женский голос сзади, и нежные, но сильные руки легли Ханару на плечи, слегка сдавливая их. – Если Вам удастся удержать силу, то мальчишку мы найдем в два счета. И тогда вся Антарга преклонит перед Вами колени, – продолжала ласкаться она.

– За пятнадцать лет мы даже на дюйм не смогли приблизиться к нему, – он взял правую руку женщины, по которой вился тонкий ожог и заканчивался на шее, провел по нему пальцем. – Ему всегда удается ускользнуть! Он всегда на шаг впереди! Как его достать?!

В его голосе звучала сталь и злость. Женщина чувствовала это, а еще она чувствовала его возбуждение.

– Сегодня все изменится, мой господин, – Укуфа Бхинрот, извиваясь, села ему на колени.

Длинные черные волосы струились по ее тонким белым плечам. Ханара обуяло вождение и он одним рывком разорвал корсет, освобождая из его тугих объятий маленькую грудь. Он хотел насладиться ею, быть в ней, ведь никто не мог удовлетворить его так, как она, но им помешало тихое покашливание, требующее внимания.

Дряхлый старик неслышно появился в шатре. Он держался уверенно и не казался смущенным увиденной картиной. Мужчина был очень стар, через редкие и седые волосы на его черепе легко просматривались пигментные пятна. Лицо было сморщенным и серым, маленькие глазки, наполненные жизнью и интересом, всматривались в мир из-под нависающих век. Скрюченное худое тело покрывала длинная шерстяная туника болотного цвета, на ногах он носил кожаные сандалии. Имя ему было Исиндомид, принадлежавший ордену трайтеров. Он считался сильным колдуном и обладателем вселенских секретов. Именно Исиндомид выбрал себе Ханара Эпперли в качестве повелителя. Старик указывал направление, куда им двигаться дальше. Солдаты опасались его колдовских чар. Ходили слухи, что он бессмертный и живет на земле с момента ее сотворения. От него постоянно разило зельями, травами и плесенью.

– Не самое подходящее время для плотских утех, Ханар, – скрипуче молвил Исиндомид. Он был единственным, кто имел право называть повелителя по имени. – А тебе, дорогуша, было поручено простое дело – позвать своего господина на ритуал, ты же превратила это в блуд.

– Полно тебе, старик, – легко посмеиваясь, отозвалась женщина и с обнаженной грудью подошла к нему, игриво накручивая на запястье шнурок от корсета. – В мире нет ничего слаще женского тела. Ты ведь еще помнишь об этом?

Она хотела схватиться за его естество, но колдун растаял в воздухе и через мгновение оказался рядом с креслом Ханара.

– Ритуал поглощения забирает практически все человеческие силы. Для того чтобы все прошло благополучно, Ханару следует набраться этих сил, а не тратить их на глупых девок! Пошла прочь!

Укуфа, улыбаясь во весь рот и сладко посмеиваясь, скрылась так же легко и незаметно, как и пришла.

– Ты слишком привязан к этой девице, – теперь пришла очередь Ханара быть отчитанным старцем.

– А мне кажется, ты забываешь, с кем разговариваешь! – Ханар встал и навис над Исиндомидом. – Я – твой повелитель и будущий властитель государства, а ты говоришь со мной, как с мальчишкой.

– Ты и есть мальчишка! – отрезал старец. – Глупый и самонадеянный.

Колдун достал из широкого рукава своей туники маленький флакончик и свернутую бычью вену, на конце которой находилась тонкая полая игла из черного металла. Грубо выпрямив руку Ханара Эпперли, Исиндомид вогнал иглу ему в вену.

– Осторожно, старик, – оскалился Ханар. – Я могу одним махом свернуть твою сморщенную голову.

– Да, можешь, – коротко ответил тот. Алая кровь побежала по бычьей вене и закапала в пустой флакон. – Только в этот самый миг можешь забыть про повелителя и властителя государства. Ну а если ты закончил с ребячеством, то следует поторопиться, делам пора свершиться.

Ханару пришлось проглотить всю свою решимость и невежество старика. Он прекрасно понимал, что только Исиндомид сможет короновать его и даровать бессмертие, если верить его обещаниям.

Когда флакон наполнился, колдун извлек иглу и закрыл его пробкой. Подойдя к стене шатра, противоположной от выхода, и отодвинув полог, Исиндомид немым жестом пригласил повелителя пройти через него. Там их уже ждал верный друг и советник Ханара Од Куу-

лайс, одетый в зеленую шерстяную тунику, поверх которой была кольчуга, в штаны и кожаные сапоги, из которых торчали рукояти коротких ножей. В руках он держал острую пику.

– Од! – поприветствовал его Ханар. – Как все прошло?

– Мой повелитель, – мужчина ответил коротким поклоном и жестом пригласил старика и Ханара следовать за ним. – Мы прочесали самые темные леса и подземелья, чтобы найти это чудовище. Много хороших бойцов потеряли, эта тварь умная и хитрая. Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы доставить ее сюда. А вы нашли то, что искали здесь?

– Нет, здесь этого не было, зато воины повеселились на славу, добыв немного хорошей стали и лошадей. Некоторые даже умудрились найти себе здесь женщин. Не понимаю, что они находят в этих смрадных деревенских коровах.

– Вы оба – глупцы, – проскрипел недовольно старик. – Как и солдаты. Ваши головы заняты совершенно не теми вещами, которыми следует занимать умы. Женщины, сталь и кровь – все это ребячество и детские забавы. Наш Великий Таргул слишком долго находится в забвении и жаждет отмщения, медлить более нельзя.

– Прошу прощения, мудрец, – обратился Од к Исиндомиду. – Возможно, мне показалось, но только что Вы назвали нашего господина глупцом?

– Назвал! И тебя вместе с ним! – старик отвесил подзатыльник Оду. – Вы несерьезны и крайне безрассудны! Твой повелитель, как ты говоришь, не сможет завоевать Антаргу, если будет нерасторопен и непоследователен.

– Господин, – Од с опаской посмотрел в лицо Ханару, но, к его удивлению, оно было расслабленным.

– Как только ты выполнишь свое обещание, колдун, я прикончу тебя, высушу твою голову и повешу себе на шею в качестве трофея! – мечтательно грозил Ханар Эпперли.

– Сначала нужно дело сделать, а уж после договариваться о долях, – старик еле шел, видно было, что движения доставляли ему немало мучений. Им двигала великая цель, которую его бог возложил на него.

Все трое уходили все дальше от лагеря, где после битвы отдыхали солдаты. Ханар и Од молча следовали за колдуном и действительно чувствовали себя мальчишками, отруганными родителем. В этот момент никто из них не ощущал себя ни повелителем, ни взрослым мужчиной. Ведь когда-то давно именно Исиндомид спас двух осиротевших пареньков от неминуемой смерти.

Тогда шла война за трон Антарги, много людей полегло в битвах, многие дети остались сиротами. Маленьких Ханара и Ода эта участь не миновала. Напуганные, слабые и голодные мальчишки старались выжить в жестоком мире, терзаемом войной. Од сильно заболел и, казалось, что скоро умрет. Ханар, как мог, старался облегчить участь своего единственного друга. Тогда в их жизни и появился Исиндомид, даровав паренькам кров, еду и посвятив их в знания о древней силе. И вот теперь они были близки к тому, чтобы осуществить его волю и пролить тьму на Антаргу.

Недалеко от лагеря в небольшом пролеске рядом с рекой к высокому ясеню были привязаны два мула, запряженных в телегу. На ней стояло нечто, имеющее форму купола и накрытое плотной тканью.

– Ты уверен, что это именно то, о чем я тебя просил?

Ханар обошел телегу по кругу, не решаясь заглянуть под ткань. Его подогревал интерес относительно того, что должно сейчас произойти, но в то же время от этой мысли ему было не по себе. Ведь никто не мог точно сказать, как пройдет ритуал, даже мудрый колдун Исиндомид не знал, как именноотреагирует тело Ханара Эпперли на вмешательство.

– Сомнений быть не может. Я видел, как эта тварь обратилась, – с опаской в голосе ответил Од.

Ханар подался вперед и скинул плотную ткань с предмета на телеге. Он увидел огромную клетку, прутья которой были отлиты из черного армилла и слегка отдавали синевой. В клетке сидела орлица с человеческий рост, на лапах были надеты цепи из такого же черного металла, что и прутья. Глаза ее были сощурены из-за яркого света, а клюв подбит. Громко закричав, птица начала биться, пытаясь расправить свои огромные крылья. Стоило ими коснуться прутьев клетки, пернатую ударило током. Так продолжалось несколько раз, пока орлица не сдавалась, покорно присев в своей тюрьме.

– Давненько я не видывал таких, – Исиндомид подошел к клетке и просунул руку сквозь прутья, чтобы погладить птицу.

Орлица встрепелась и была готова клюнуть старика, но тот успел убрать руку с невиданной прытью.

– Брыкайся, птичка, тебе все равно недолго осталось, – хрипло засмеялся старец.

– Ты уверен, что все получится? – спросил Ханар, пытаясь скрыть в своем голосе волнение.

– А почему должно не получиться? – спросил Исиндомид, улыбаясь своей беззубой улыбкой, и медленно поковылял к мулам, чтобы их отвязать.

– Ты когда-нибудь проводил подобное?! – на этот раз грозно и громко спросил Ханар.

– Чего я только ни делал за свою долгую жизнь, Ханар Эпперли, сын Моара Эпперли, – кряхтел он. – Но такого не делал никогда.

– Тогда откуда ты знаешь, что получится?

Старик не ответил ему и подошел к Оду, продолжая улыбаться своими розовыми деснами.

– Мне нужна твоя пика, – протянул он свою трясущуюся костлявую руку.

Од Куулайс посмотрел на своего господина, чтобы получить одобрение. Ханар едва заметно кивнул и мужчина молча протянул пику старику. Как только оружие оказалось в руках колдуна, он словно в одно мгновение стал моложе, физическая сила наполнила слабые руки, а его глаза жадно заблестели.

– Когда я был юн, – начал свой рассказ Исиндомид, вертя в руках пику. – Точнее сказать, когда я был ребенком, жилось нам очень плохо и бедно. Я практически не помню лиц матери и отца, лишь страшный голод, который был со мной повсюду. Тогда в Антарте шла война между двумя великими родами – юг воевал с севером. Сколько людей погибло тогда из-за споров, чья задница будет полировать трон! Но, кроме войн за власть, шли войны за богов. Одних свергали, сжигая их лики и образы, другим строили храмы и часовни. Тех, кто не хотел поклоняться новым божествам, угнетали, заставляли, навязывали, редко убеждали, чаще просто убивали, – старик грустно улыбнулся своим воспоминаниям и продолжил. – Родился я в городке под названием Интерциза, в его труппах. И там поклонялись только одному богу – богу смерти. И молились ему неустанно, чтобы он продлил наши жалкие жизни хотя бы еще на один день.

– К чему эти слащавые воспоминания? – плюнув на землю, Ханар начал шелкать костяшками пальцев. – Давай просто прикончим эту нечисть и дело с концом!

– Куда ты все время спешишь? – степенно произнес старик и присел на колесо телеги, где в клетке сидела прикованная орлица. – Иногда в бессмысленных на первый взгляд рассказах таится много знаний и скрытых смыслов, которые необходимо познать, понять и принять.

– Как твой рассказ может помочь в завоевании Антарты?! – свирепел его повелитель. – Мы зря теряем время на пустой треп!

– О, мой повелитель, рассказ мой как раз и сможет нам помочь. Ведь он начинается с установления единой власти в государстве, объединения земель и наречения новой столицы.

– Это было более ста лет назад, – вмешался Од. – И если ты все это видел... Сколько тебе лет?

– Позвольте, Ваше Величество, продолжить?

Кто знает, что произвело на Ханара Эпперли большее впечатление: то, что колдун застал времена единения народов вокруг одного короля или то, что он впервые обратился к нему словами Ваше Величество. Он слегка расслабился и коротко кивнул, дав таким образом знак, что Исиндомид может продолжать свою историю.

– Благодарю вас, государь, – учтиво улыбнулся старик. – Вы приняли мудрое решение – выслушать историю Вашего преданного слуги, – опершись на пику, колдун скрипящим голосом продолжил. – Ползая в грязи Интерцизы, я был обречен, как и многие другие до меня и после. Моя судьба была – сгинуть в канаве с дерьмом, что лилось из богатых домов. Но я хотел жить, сделать что-нибудь значимое в этом мире, который отвергал меня. Когда я стал старше, родители пристроили меня работать в дом удовольствий. Я мыл пол, менял простыни, стирал белье и занимался всякими грязными делами. И тогда я открыл в себе способность слушать и слышать то, о чем говорят люди между собой. Пьяные мужчины в окружении обнаженных женщин редко когда следят за языком, а еще реже обращают внимание на маленьких мальчиков, спующих там и сям.

Тогда я впервые услышал легенду о затерянном городе в лесной чаще. Какой-то проходивец громко рассказывал ее пышногрудой девице, сидящей у него на коленях. Я узнал, что город этот окружает невидимая стена, которая убивает любого, кто коснется ее. Там живут люди, поклоняющиеся древнему божеству – Матери Мира. Мать – первое, что родилось во Вселенной, она вдохнула жизнь в холодный камень, а он – в нас. Но самое главное, что я услышал в тот день – старейшины этого места до сих пор хранят ее останки. Заполучив их, любой может стать богом.

– Это правда? – твердо спросил Ханар.

– Мною эта история завладела полностью, – смеясь ответил ему Исиндомид. – Я тоже захотел выяснить, существует ли это место в действительности. Я сбежал из дома удовольствий и направился в бывшую столицу Лиокос, чтобы найти того, кто смог бы обучить меня грамоте. Но таких людей не нашлось, никому не было дела до оборванного мальчишки. Это оказалось мне на руку. Я был тощим и мог проникать практически всюду. Стал прятаться в домах жизни, слушая, как мудрецы обучают своих воспитанников, я вторил им. Вечерами воровал еду и подслушивал истории солдат о том, где они были, что видели и чего боятся. Я был предоставлен самому себе, пока однажды не встретил странного человека. Он был облачен в старую домотканую рубаху, поверх которой был надет плащ с капюшоном. Он поймал меня, когда я пытался украсть хлеб у пекаря. Думал, сдаст страже, но вместо этого человек отвел меня в ближайшую таверну и накормил. Я не помню ни его лица, ни имени, лишь руки и неизвестные мне символы, начертанные на них. Он тоже поведал мне о древнем городе, который стоит на обломках Великой Пасифиды, и сказал, что там проживают авесты. Эти люди представляют чистое зло, их учение – ложное. Они захватили реликвию – тело Богини-Матери – и используют ее, чтобы копить силы и в нужный момент обрушить на весь мир.

Мужчина сказал, что я должен остановить их, найти этот город и уничтожить останки Матери. Ведь единственное истинное божество – это Таргул. Вы представляете, Ваше Величество, мое удивление? Как он узнал, что я сам жажду найти этот город и прикоснуться к его тайнам? В любом случае сейчас это не имеет значения. На прощание он оставил мне древний том – тяжелый, в потертой обложке. По нему я учился сначала читать, затем постигать знания, заложенные в нем. И я стал путешествовать по новому миру, построенному новым королем. От места, где я родился и вырос, ничего не осталось. Десять лет я скитался от города к городу, от деревни к деревне, пока однажды не заблудился в лесу.

Тот день изменил все! Блуждая меж высоких дубов и ясеней, я пытался найти дорогу назад. День был прохладным и туманным. Я увидел, как огромная орлица спускается с небес, неся в своих когтях добычу. Спрятавшись в корнях векового дуба, я наблюдал...

Исиндомид взял в ладони острие пики, слегка зажав его. Несколько капель его крови окрасили наконечник в алый цвет. Легкое голубоватое свечение показалось вокруг пики и постепенно стало распространяться вдоль.

– Ее добычей была молоденькая девушка, – продолжал старик. – Бледная, как луна, и хрупкая, как свежий наст, она была без сознания. Орлица выпустила ее из когтей и стала ждать, когда та очнется. К счастью, ждать пришлось недолго, несчастная открыла глаза и закричала, что было мочи. Птица тут же начала клевать ее, разрывая грудную клетку, пробираясь к сердцу. Проглотив свое лакомство, птица стала меняться: ее крылья превратились в руки, лапы – в ноги, а тело приобрело облик женщины, признаюсь честно, невероятной красоты – никогда раньше и после я не встречал никого прекрасней этой твари...

Исиндомид подошел к клетке с птицей и проткнул копьем ее крыло. Издав истошный вопль, орлица начала биться в агонии, стараясь скрыться от обжигающей боли. Голубоватое пламя, окутывавшее острие копья, постепенно поглощало свою жертву. Ее форма стала изменяться, перья осыпались, превратившись в ковер на дне клетки. Лысые крылья стали обрастать в тонкие морщинистые руки. Тело поплыло и вслед за руками обрело форму. Раненая в плечо, обнаженная старая женщина сидела повержено в своей тюрьме, глядя ненавидящим взглядом на своих пленителей.

Од выхватил нож, находившийся у него за голенищем сапога, и наставил на женщину. Ханар, пораженный увиденным, подошел практически вплотную к телеге, на которой стояла клетка с пленницей.

– Убери нож, Од! – скомандовал Ханар, не отрывая взгляда от старухи перед ним. – Как твое имя, ведьма?

Ответа не последовало.

– Я спрашиваю еще раз: как твое имя?! – мужчина приходил в ярость, ведь он привык получать ответы сразу. Наклонившись ближе к клетке и практически просунув свою голову между прутьев, он спросил еще раз: – Ты понимаешь нашу речь?

Вместо ответа старуха плюнула ему в лицо.

– Разрешите казнить ее, повелитель! – тут же отреагировал Од.

Резким движением запрыгнув на телегу и схватив ведьму за волосы, он подтянул ее к прутьям и приставил острие ножа к ее горлу.

– Она умрет, но чуть позже, – смахнув с себя слюну, выпалил Ханар.

Од Куулайс сощурился, но все же подчинился и отпустил пленницу.

– Моя смерть ничего тебе не даст, – практически нараспев произнесла ведьма. – Ты лишь разгневаешь богов.

– Значит говорить ты все же умеешь, – заметил Ханар Эпперли. – Ты ошибаешься, твоя смерть даст мне многое. – Мужчина обратился к Исиндомиду: – Если у нас получится задуманное, ты сможешь отыскать затерянный город?

– Я уже его нашел, мой король, – проскрипел старик. – Но сначала нужно закончить начатое.

В этот момент к ним присоединились двое солдат из армии Ханара. Оба – крепкие мужчины, облаченные в панцири и кольчуги. Их лица были непроницаемыми, а движения – легкими и четкими. Ханар Эпперли кивнул в сторону телеги. Те, молча повинаясь приказу своего господина, отворили замок на клетке и вытянули из нее женщину. Тяжелые черные цепи на ногах сковывали ее движения, из-за чего солдатам пришлось волочь ее к господину.

Поставив женщину на колени перед Ханаром, солдаты встали по обе стороны от нее, держа руки на рукоятках своих мечей. Старуха стояла на коленях слегка сгорбленная, но гордая. Совершенно нагой она предстала перед ними, лишь длинные седые волосы прикрывали наготу ее тела. Пика Ода оставалась в ее плече. Струйки алой крови бежали по сморщенной коже, рисуя узор смерти.

– Боги покарают тебя за мою смерть. Запомни эти слова! – голос женщины был тверд и полон силы. Плоть была пленена, но дух ее оставался свободным.

– Какое дело богам до смерти старой ведьмы? – скрипучим голосом спросил Исиндомид и извлек из широкого рукава своей туники деревянную шкатулку.

– Я не старая ведьма, колдун. Я – Аза, авеста из рода первого верховного вридха Остана Огненного. Мой дар рожден из семени бога земли Дхара. Я та, кого почитают и уважают люди и боги. Убив меня, ты сгинешь в забвении.

– Твои боги, может, и покарали бы смертного сына Ханара, но вот что они сделают с одним из них? – старик лукаво улыбнулся розовыми деснами, внимательно наблюдая за реакцией Азы.

Она встрепенулась и слегка растерялась – слова колдуна напугали ее: что он имел в виду, когда говорил об одном из богов? Старуха посмотрела на Ханара, словно пытаясь найти ответ, но его каменное лицо не выражало ничего. Повисла тишина, нарушаемая лишь смехом воинов, отдыхавших в своих шатрах, и ржанием коней, которое приносил ветер. Никто не проронил ни слова, все смотрели на нее – старую женщину-авесту в оковах, словно следующий ход был за ней.

– Нет! – тихо прошептала она, когда наконец поняла, что они хотят с ней сделать. – Вы не посмеете! Это запрещено!

– Кем запрещено? – спросил Ханар.

– Самой жизнью! – лицо старухи в этот момент стало еще темнее и мрачнее, глаза провалились в череп, оставляя лишь зловещий блеск в них. – Смертный не может стать богом!

– Что ж, – бодро для своего возраста ответил Исиндомид. – Это мы сейчас и узнаем.

Он подошел своей старческой походкой к Ханару Эпперли, трясущейся рукой протянул ему шкатулку, которую вытащил из своего рукава. Повелитель принял вещицу из рук старика. Это был деревянный ящичек, вырезанный из старого кедра, гладкий по бокам и с узором в виде дерева на крышке. Открыв шкатулку, Ханар увидел лежащий на красном бархате маленький трезубец черного цвета с настолько острыми гранями, что мягкая ткань была вся изрезана ими. Вместо древка было длинное черное лезвие.

– Что это? – спросил Ханар.

– Армиллиум, – ответил ему колдун. – Выкован из редчайшего сплава металла, закален заклинаниями, кровью и мольбами о смерти авест.

– Что я должен делать?

Исиндомид осторожно извлек армиллиум из шкатулки так, чтобы не порезаться самому, и попросил правую руку своего господина. Ханар сомневался, стоит ли делать то, к чему они стремились долгие годы, все же он был смертным и прекрасно понимал риски, которые сулит ему использование черного колдовства. Но и отступать было уже некуда. Сомнение длилось несколько секунд, после чего он протянул руку Исиндомиду.

Старик улыбнулся и начал вводить длинное острое основание трезубца в центр ладони Ханара. Кровь, выходящая из раны, бурлила, причиняя невыносимую боль мужчине, но он держался и старался не подавать вида. Наконец армиллиум был установлен – из ладони повелителя торчали три черных пики. Ханар был очарован тем, как они сверкали в свете солнца, и едва заметное синее свечение окутывало их, придавая таинственности и опасности их внешнему виду.

– Ты будешь проклят, коль сделаешь это, – прошептала Аза. – Твой колдун сказал тебе, какую цену нужно будет заплатить?

– Да, цена мне известна, – глаза Ханара загорелись страшным пламенем.

– Неужели ты готов пойти на это?!

– Я готов на все ради своей цели! – сладострастно ответил Эпперли. – Даже если придется пожертвовать всем!

– Помнится, был до тебя один такой же, кто решил пожертвовать всем, – Аза практически смеялась в лицо своему палачу, словно собственная смерть забавляла ее. – Теперь же давно сгнил в земле сырой, а имя его практически стерло время. Не забывай, Ханар Эпперли, что смертен ты, как и Саргон, что звал себя Безумным, до тебя. Конец будет один – сгниешь и сгниешь! – ее страшный смех разнесся по поляне, внушая страх и ужас всякому непосвященному.

Ничего не ответив, Ханар подошел к женщине. Солдаты поставили ее на ноги и держали за локти. Слегка заскулив от боли в плече, Аза заглянула в глаза своему пленителю. В них не было ни капли сожаления или сомнения, взгляд был холоден и колок. Из ладони торчал трезубец, теперь пылающий синим пламенем.

– Деяние твое пробудит Матерь Мира! Крича, восстанет вновь она. Иссякнет море, небо обогрится, огнем покроется земля. И гнев ее заставит мир бояться, и гнев ее постигнет и тебя, – старуха смеялась, произнося каждое слово, она была готова встретить смерть, поэтому смотрела в глаза своему губителю смело, словно это она казнила его.

Ханар Эпперли вонзил в ее грудь трезубец, ломая ребра и пробираясь к сердцу. Аза издала нечеловеческий крик, кровь и боль слились воедино. Он потихоньку проворачивал кисть руки, вырезая сердце из груди. Наконец оно оказалось меж трех граней, Ханар извлек трезубец наружу. К его удивлению, старуха не умерла, а смотрела на свое сердце в руках мучителя. Кровавая дыра в ее груди пульсировала и выплевывала кровь.

Синее пламя постепенно охватило бьющееся сердце, сжигая его. Чем сильнее горело сердце, тем сильнее Аза извивалась и кричала от боли. Ее агония была настолько сильной, что двое солдат с трудом удерживали ведьму. Кожа начала чернеть, покрываясь волдырями, синее пламя охватило волосы, затем перекинулось на руки и спину, пожирая несчастную. Как только сердце догорело в руке Ханара, Аза обратилась в прах, оставив после себя лишь черные цепи и пику.

Тем временем армиллиум стал меняться. Острые грани размягчились, стали течь по руке, через рану в ладони они втекали внутрь, пробираясь к венам. Ханар упал, его тело покрылось черной сеткой – металл прожигал его нутро, оставляя за собой невыносимую боль. Он сжал зубы так сильно, что они начали крошиться. Не выдержав такой волны боли, мужчина закричал, но крик продлился недолго. Тело начало биться в судорогах.

Од подбежал, чтобы помочь своему господину, но Исиндомид с помощью силы откинул его назад. Солдаты, все это время наблюдавшие за происходящим, обнажили клинки и начали наступление на колдуна. Их ожидала та же участь, что и Ода Куулайса – старик отбросил их назад, обращая мечи в расплавленный металл.

– Всем ждать! – приказал старик несвойственным для него твердым и громким голосом. – Ваш повелитель проходит сейчас священный обряд. Если Таргул решит, что он достоин, Ханар вернется к нам в новом облике и с новой силой.

Тело Ханара начало ломать – позвоночник и суставы выгибались в неестественных позах, слышался хруст костей. Из рта сначала шла белая пена, затем она приобрела черный цвет. Глаза налились кровью, казалось, еще мгновение и они лопнут от боли и напряжения. Од сделал еще одну попытку прийти на помощь своему господину.

– Ты убиваешь его, сукин сын! – крикнул он.

Исиндомид снова с помощью колдовства отправил его в телегу, где стояла клетка.

– Убьешь его ты, если будешь поддаваться эмоциям и лезть туда, куда не стоит! – злобно сверкнул колдун глазами.

– Если он умрет, я отрублю тебе голову! – прошипел он, но более попыток подойти к Ханару не делал.

Раздался громкий щелчок – мужчина на земле больше не подавал признаков жизни. Исиндомид подошел к нему и стал читать что-то, едва шевеля губами. Вокруг все замерло, ветер не смел тревожить тайные заклинания, птицы боялись петь свои песни, лишь трава забот-

ливо, по-матерински обнимала лежащего на ней человека. В этот миг казалось, что сама смерть не решалась подойти ближе, чтобы забрать себе павшего. Скрипучий старческий голос произнес последние слова, которые тут же растворились в пространстве. Ханар Эпперли, сломанный и пурпурно-черный, по-прежнему не подавал признаков жизни. Од Куулайс подлетел к Исиндомиду и стал трясти его что было мочи.

– Ты убил его! Убил нашу надежду, нашего короля! Ты убил единственного близкого мне человека!

– Прекрати истерику, мальчик! – крикнул старик и оттолкнул того заклинанием так сильно, что Од влетел в телегу, а из его легких громко вышел воздух. – Всем ждать!

Исиндомид склонился над бездыханным телом Ханара, заглянув в померкшие глаза, и аккуратно вытер пену с его губ. Сморщенная рука легла на лоб Эпперли. Через несколько мгновений послышался хруст костей, а кожа повелителя стала розовой. Рот открылся, мужчина с жадностью вдохнул воздух, а еще через мгновение открыл глаза.

Глава 3

Он медленно тонул. Вода, словно безжалостный убийца, проникала внутрь тела, разрывая легкие. Он уже не сопротивлялся судьбе, позволив толще воды похоронить его в иле и водорослях. «Это конец! Конец! – думал он, мечтая сомкнуть веки. – Только взгляну в последний раз на нее и обрету покой. Покой...»

Серебряная луна была прекрасна в эту ночь. Сквозь водную пучину она танцевала и извивалась, словно пыталась завлечь утопленника в свои объятия. Он протянул к ней руки, надеясь прикоснуться к далекой невесте. Последние пузырьки воздуха покинули его легкие и вода полностью завладела телом. Илистое дно приняло утопленника, укрыв его от холодного течения. «Наконец-то», – последняя мысль посетила его разум, после чего он погрузился в темноту.

– Борись! – тихий шепот разорвал темное пространство. – Найди меня...

Эти слова вернули воздух в его легкие, он вновь почувствовал, что может дышать.

– Разбуди меня...

Он открыл глаза и все также лежал на илистом дне и смотрел на лунный танец.

– Кто ты? – задал он немой вопрос. – Ты луна?

– Борись! – шептал нежный голос. – Борись!

Он протянул руку к бледному свету, надеясь прикоснуться к холодной поверхности. Течение уносило его обессиленную руку прочь от света. Неожиданно его схватила маленькая тонкая женская ладонь – сколько жизни и тепла он почувствовал от этого прикосновения! Хотелось, чтобы это мгновение осталось с ним на всю жизнь, он невероятно желал увидеть лицо прекрасной дамы, чье прикосновение было столь нежным. Ее рука тянула тело к поверхности, и чем ближе к ней они были, тем легче ему становилось.

– Раймонд, – ласково назвала она его имя, – еще одно мгновение, и он увидит ее лицо...

– Виктор, проснись! Виктор! Сукин ты сын! Лыбишься так, словно бабу имеешь! Виктор!

Почувствовав грубый сапог на своем плече, он открыл глаза, с досадой увидев, что лежит в лесу на холодной земле. Поежившись под плащом из овечьей шкуры, приподнялся и посмотрел на тлеющий костер. Фыркнув что-то невнятное, вновь откинулся на землю. Высокие сосны царапали своими острыми кронами хмурое небо. Было тихо, даже слишком, птицы и лесное зверье попрятались в своих норах в ожидании дождя, который вот-вот должен был начаться. Мужчина положил руку на свой лоб, пытаясь насладиться тем видением, в котором пребывал.

– Что, опять баба таинственная снилась? – мужчина, сидевший напротив него, криво улыбался, отрезая дольки от яблока и смачно поедая их.

– С чего ты взял? – встряхнув головой, Виктор сел и протянул руку к яблоку, которым лакомился его друг.

– Когда тебе русалка эта снится, видок у тебя уж больно слащавый, аж блевать тянет.

– Русалка? – задумался Виктор. – Ты думаешь, русалка путает мои сны?

– Ясное дело! А кто ж еще в водной пучине руки протягивать к тебе может? Либо русалка, либо черт морской.

– В черта охотнее верится, его намерения всегда понятны. Но вот этот сон... Слишком уж часто я стал его видеть, – Виктор потер переносицу и широко зевнул. – Может, это знак и мне следует обратиться к провидцу, чтобы растолковал мне видение?

– Русалки или черт – это плохо, – протянув ему дольку, мужчина сдвинул брови. – Они несут смерть любому, кто их видит. Дурной знак, дурной сон. Это я тебе и без провидца скажу.

– Знаешь, за что ты мне нравишься, Орен? За твою проницательность, – жуя сочную дольку, Виктор всматривался в лесную даль. – Вот только она спасала меня и просила ее разбудить.

– Хе-хе, – засмеялся Орен. – Бабы давно у тебя не было, вот и снятся тебе всякие. Но вот что я тебе скажу, – мужчина направил на него походный нож. – Держись подальше от воды. Кто ж эту нечисть разберет? А тем более русалок. Прикидываются хорошенькими девицами, а потом – хоп! Затянет в пучину морскую, убьет и сожрет твои органы. Как думаешь, с чего она начнет? – мужчина попытался засмеяться, но вместо этого подавился и сильно закашлялся. – Может, первым она откусит твой член?

– Ну, тебе виднее, – Виктор вновь лег на землю, рассматривая серое небо и свинцовые облака. – Твой-то член, видимо, уже давно русалки сожрали.

Эти слова заделали мужчину. Встав, он стянул штаны и продемонстрировал свое достоинство – сморщенный член, окруженный жесткими темными волосами.

– Ах ты, сопляк! Вот, смотри и завидуй! Любая баба готова ноги раздвинуть, едва увидев его.

– Мне нет дела до твоего члена, – не обращая внимания на выходку своего попутчика, Виктор вновь положил руку на лоб.

– Много ты понимаешь! – завязав штаны, Орен сел и продолжил есть яблоко. – Перед тобой мокрая девка скакать будет, ты и глазом не поведешь. Пора выезжать. Скоро дождь начнется, а до Калананта ехать еще несколько недель.

Виктор потянулся, хрустя суставами, широко зевнул и направился к своему коню. Достав из сумки чистую одежду, быстро переоделся, оставил на себе шерстяной камзол с кожаной курткой поверх него, штаны из шерсти и кожаные высокие сапоги, в которые поместил ножи.

– Ты чего там копаешься? – недовольно фыркнул Орен. – Давай живее! Этот ублюдок уже вонять начинает, – мужчина похлопал по окровавленному мешку, что висел на боку у его лошади. – Если не поторопимся, без награды останемся. Рожу его раздует, тогда как доказать, что работа сделана? У тебя есть лишняя сотня золотых? У меня нет!

– Перестань приbedняться, – седлая жеребца, ухмыльнулся Виктор. – У тебя золотых больше, чем у короля.

– Поговори мне еще! – огрызнулся мужчина. – Мои золотые нечего считать!

Осень выдалась ранней. Едва желтизна коснулась листьев, как задули холодные ветра, неся с собой частые дожди и первые заморозки.

Двое всадников не спеша выехали на лесную дорогу. Пошел мелкий холодный дождь, подгоняемый ветром, и мужчины поглубже закутались в свои плащи. Путь их лежал через густой, но проходимый лес. Десятки дорог и троп пересекались между деревьями: некоторые соединялись в одну, другие расходились в разные стороны. В обычные дни на пути можно было встретить отдыхающих путников и охотников у костра, но не в этот раз. Из-за резко наступивших холодов лес словно вымер – ни людей, ни зверья. Злой ветер гулял в вершинах сосен и многовековых кедров, продувая до костей. Чтобы хоть как-то согреться, мужчины передавали друг другу флягу с крепким вином.

– Я не поеду с тобой в Каланант, – деляя глоток, сказал Виктор.

– Это еще почему? – Орен явно не понимал такого решения своего попутчика.

– Тебе какое до этого дело?

– Да, собственно, никакого, просто золото свое как забирать собираешься? Валамон не из тех, кто остается должен.

– Можешь забрать мою долю себе.

– Да ну! – в голосе Орена зазвучала жадность. – Неужели отдашь свою долю? Вот так просто?

– Ты за меня не волнуйся, – лукаво улыбнулся Виктор. – Я свое уже взял, – запустив руку под плащ, он вытащил увесистый мешочек, в котором было много золотых монет.

– Ах ты, черт! Когда успел? – явно восхитившись ловкостью Виктора, Орен слегка заерзал в седле.

– Ты любишь рубить головы, я же предпочитаю набивать карманы, – Виктор потряс мешочек. – Мне теперь нет нужды переться в Каланант.

– Ты как был мелким воришкой, так им и остался, – Орен вновь закашлялся. – Дело твое, но рубить головы для меня всегда было весело, особенно когда они начинают орать. Как он вопил, этот Дад Текс! «Прошу вас, пощадите, я сделаю, что хотите...» Свинья жирная, да и к тому же трус проклятый, – сплюнул он. – Не смог даже смерть встретить как мужчина, обосрался и сдох.

– Перед лицом смерти многие обсираются, особенно если это твое лицо, – Виктор спрятал улыбку в густой бороде.

– Мое лицо поцеловано Небесным Богом. Каждый, кто его видит перед смертью, должен быть благодарен. Ведь я – их благословение, – самодовольно заключил Орен.

Практически все его лицо покрывал зарубцевавшийся шрам в виде молнии. Будучи маленьким мальчиком, он играл в поле с другими детьми. Неожиданно набежали черные тучи, раскаты грома и молний без остановки сменяли друг друга. Пытаясь спрятаться от непогоды, мальчик побежал к своему дому, но удар молнии сбил его с ног. Он чудом выжил, с тех пор у него на лице и спине остались шрамы как напоминание о той встрече со стихией. Орен взял себе второе имя – Красавчик, и в миру его звали именно так.

– За их дерьмо нам должны доплачивать, ибо воняют эти сукины дети так, что глаза слезятся.

– Нам платят за их головы, а не за дерьмо, – подметил Виктор.

– Да, и это самое прекрасное в нашей работе, – Орен перекинул окровавленный мешок с головой на другой бок кобылы. – Если бы с нас требовали тащить еще и их тела, то пришлось бы взимать двойную оплату с богатых ублюдков. На их счастье, для доказательства этим великим лордам, – он скривил лицо, словно передразнивая, – нужны лишь головы. Кстати, куда золотишко спустишь, а, Виктор?

– Отдам жене, пусть сама разбирается, что делать с ним.

– Да-а... – протянул Орен. – Пожалуй, ты единственный головорез, который залез под юбку к одной бабе и никак не может вылезти из-под нее. Хотя, признаюсь, твоя женщина весьма хороша.

– А ты не пускай слюни на мою женщину, а то твоя голова будет болтаться на крупе моего жеребца.

– Смотрите-ка, как заговорил! Неужели променяешь голову старого друга на дырку между ног? – в голосе мужчины слышалась издевка.

– Ради Небесного Бога, который тебя поцеловал, Орен, закрой свой рот, а не то...

– А не то что?

– У тебя кровь кипит? Выпустить ее хочешь? Обожди и успокойся.

– Мне ничего не нужно ждать, – стуча зубами, выдал нервный смешок мужчина. – Я могу вспороть тебе брюхо прямо сейчас, затем вручить твои же кишки тебе в руки и оставить здесь на съедение волкам. Дождавшись, когда ты умрешь, я заберу себе и твое золото, и женщину.

– Ты слишком стар, Орен. Не утруждайся. Такого не случится, моя женщина сама вспорет тебе брюхо! – грубо выдернув флягу из рук своего напарника, мужчина отхлебнул из нее вина.

– Ты, сопляк хренов! – рявкнул Орен и остановил кобылу. – Считаешь меня старым? Я тебе сейчас покажу, чего я стою!

Орен спешился, но от долгой езды и крепкого вина его повело. От падения его спасли поводья, за которые мужчина успел ухватиться. Поймав равновесие, он обнажил свой длинный меч с кожаной рукоятью и стал в стойку, приглашая соперника к бою.

– Кончай с этим! Я не собираюсь с тобой драться.

– Что? Боишься, что старик тебя сделает?

– Нет, – равнодушно ответил Виктор. – Боюсь лишь, что сердце твое не выдержит такой нагрузки.

– Ах ты, гад! – Орен налетел на Виктора, потянул его за руку и сбросил с коня. – Обнажи свой меч! – молнии сверкали в глазах Красавчика.

– Я не буду этого делать.

– Тогда готовься к смерти!

Мужчина сделал выпад в сторону Виктора, но тот ловко увернулся от летящего в него остря. Он умело избегал атак, так как хорошо знал технику и манеры своего напарника. К тому же Орен был сильно пьян, что делало его движения замедленными и неповоротливыми. Нападающий вновь замахнулся своим мечом, чтобы атаковать Виктора сверху, но тот ловко выбил оружие из его рук. Стальной меч глухо упал на влажную землю, отчего рой мошкеры поднялся вверх.

– Ты трус и слабак, Виктор! Не тому я тебя учил, ох, не тому. Я учил тебя быть мужчиной – сильным, отважным, решительным. Учил тебя брать то, что хочется, не спрашивая никого. Но кто из тебя вырос? – гневно сплюнул Красавчик.

– И я помню все твои уроки, – положил Виктор руку на плечо Орена. – Но мнения своего не изменю: ты старый и дряхлый, – засмеявшись, мужчина вернулся к своему жеребцу и, оседлав его, посмотрел на друга с явной ухмылкой.

– Мнения?! – скривил губы Красавчик, залез к себе в штаны, достал член и начал мочиться. – Вот что я клал на твое мнение!

Закончив, Орен вернулся к своей лошади, продолжая выражать недовольство поведением и укладом жизни Виктора.

– Все равно ты – мямля! – потянув за поводья рыжую кобылу, он продолжил свой путь. – Ты глупец, Виктор, берешь деньги у подонков, чтобы убивать других подонков, а потом трастишь их на одну женщину с глупой мечтой сажать цветы, – в его голосе слышался яд и агрессия к этой ситуации.

– По-твоему, я должен тратить свое золото на шлюх?

– А на кого же его еще тратить?! – выпучив глаза, отвечал ему напарник. – Ты хоть раз был в борделе? А? Виктор! Ты когда-нибудь стоял перед выбором между жгучей блондинкой с огромным задом и брюнеткой с пышной грудью? А рыженькие? Моя любовь... – мужчина закрыл глаза и предался прекрасным мечтам о женщинах, которых он поимеет в борделе на деньги, полученные за выполненный заказ.

– Как ни крути, ты трастишь деньги на женщин. Не проще ли найти одну и жить с ней? – подняв одну бровь, спросил Виктор.

– Ты рассуждаешь, как старик на пороге смерти, аж противно. Тебе сколько? Девятнадцать? Двадцать? Я в твои годы засыпал с одной, просыпался с другой, а в течение дня еще парочка могла смениться. А ты что? Женатый наемник, – он смеялся над ним и всячески пытался задеть его мужское самолюбие, но Виктор не подавал вида, что его слова имеют на него влияние.

Орен Красавчик Лоуб был известным головорезом. К сорока двум годам он заработал славу идеального убийцы. Своим главным достоинством он считал низкий рост и худощавость. Такое телосложение позволяло ему быть максимально подвижным в сражении и теряться в толпе при необходимости. Красавчик обладал грубыми чертами лица. Мелкие карие глаза горели сумасшедшим огоньком, а множество раз сломанный нос постоянно был опухшим. Мужчина всегда выполнял заказ чисто и без лишних хлопот. Никогда не спрашивал ни о чем, кроме имени жертвы и цены, которую платили за его голову. Остальное считал лишней информацией. Пятнадцать лет назад Орен Лоуб отправился на одно из очередных заданий в Виалосламские степи, что за Тигровым морем. Его жертвой была проститутка, водившаяся со знатными мужами. Кто она и кому перешла дорогу, Орону было безразлично. Представившись

клиентом, мужчина легко оказался в комнате путаны. Быстро выполнив свою работу, хотел было уже уйти, но услышал шорох за дверью. Отворив ее, увидел невероятно худого, всего в шрамах и кровоподтеках мальчишку, одетого в рванину, от которой невыносимо пахло мочой. Помимо шрамов, на теле мальчика было несчетное количество укусов, оставленных блохами и вшами – они ползали по его телу, словно по псу.

Орен Красавчик ехал по лесной дороге, скользкой от мороси, и смотрел, как тот когда-то блохастый испуганный парнишка ехал впереди него. Мужчина до сих пор не знал, что случилось с ним в тот день, когда он решил забрать маленького Виктора с собой, но не было ни одного дня, чтобы он пожалел о своем решении.

– На востоке не все спокойно. Какой-то фанатик решил провозгласить себя королем, – разрушил затянувшуюся паузу Виктор. – Поговаривают, что он одерживает одну победу за другой и его цель – покорить Антарту. А прислуживает ему темный колдун.

– Не знаю... Да и насрать мне на этих правителей и их колдунов! Меня волнуют только те, кто больше платит. Остальное – не моя забота, – вновь отхлебнув вина, Орен передал флягу напарнику.

Виктор отказался. Снова повисла тишина, перебиваемая лишь завыванием осеннего ветра между деревьями и топотом копыт по сырой земле. Он продрог до костей, зубы стучали, а тело потряхивал озноб. Все, о чем он мечтал сейчас – оказаться дома, где его согрела бы своим теплом жена. Оставалось всего пару дней пути и он наконец окажется в милой его сердцу Суле – маленьком городке, расположившемся на берегу тихой реки. Все его мысли были там, но Орен Лоуб возвращал его обратно своей уже сильно захмелевшей речью.

– Но вот что я знаю об этом хрене с востока, так это то, что он объявил награду. Он ищет какого-то мальчишку. Зовут Редмон... Ройндмон... Или как его там? Обещал награду в десять тысяч золотых тому, кто приведет его живым.

– Откуда такие сведения?

– Не твоего ума дело! – сделав очередной глоток, Орен отрыгнул.

– И как же найти одного маленького мальчишку в столь огромном мире? – скептически спросил Виктор и потянулся за флягой, терпеть холод он больше не мог.

– Раймонд! – закричал Красавчик и чуть не вывалился из седла. – Мальца зовут Раймонд. Вот его нам нужно найти, Вик. Десять тысяч золотых – это же охренеть сколько денег!

– Хм, – задумался молодой мужчина. – Одного имени мало, нужно что-то еще. Внешность, возраст, где обитает...

– Это все нужно тебе, – горделиво задрал подбородок Орен. – Мне достаточно только имени, остальное я узнаю сам.

– Может, расскажешь секрет бывалого?

– Я и так научил тебя всему, что знаю и умею сам. Тебе пора бы уже самому хоть немного начать разбираться в этой жизни.

– Я что-то не припомню урока поиска людей по имени.

– А он был, Вик. Ты просто слишком глуп, чтобы понимать столь тонкие вещи. Нужно уметь правильно смотреть и слушать то, что говорят люди, особенно, что говорят за твоей спиной.

– Понятно. Очередной ценный урок?

– Я найду его, клянусь тебе, найду и приведу к этому сраному ублюдку!

– И что ты собираешься делать с такой суммой? Купишь бордель? – усмехнулся Виктор.

– И даже не один! Я построю целый город из борделей, куда будут съезжаться распутные девки со всего света. Я буду шлюшьим лордом!

– Ты можешь думать о чем-нибудь другом, кроме женщин и того, как ты трахнешь их?

– Да, сейчас я думаю об этом Раймонде, как я выслежу и поймаю мой сундук с золотом, – практически пропел Орен. – А ты что? Не хочешь быть в доле? – мужчина вновь закашлялся и отхаркнул. – Как хочешь, мне больше достанется.

– Не хочу мешать тебе с твоей мечтой. Шлюший лорд – это сильная цель, – усмехнулся Виктор.

– Не понимаю, о чем ты думаешь? – продолжал Орен. – Я вижу, как на тебя пялятся девки, значит, они считают тебя красавчиком. И значит, ты можешь засадить любой! Мне кажется, они тебе бесплатно дать готовы. Когда ты проезжаешь мимо них на своем жеребце, ноги девиц сами раздвигаются, – оценив свое остроумие, Орен рассмеялся так громко, что спугнул птиц, сидевших на дереве.

– Ты просто никогда не любил, Орен. Тебе сложно представить, каково это – не видеть свою любимую месяц, а потом вернуться в ваш дом, где пахнет хлебом и ждет чистая постель, – Виктор нарочито говорил сладко, зная, что напарник не выносит нежностей. Ему доставляло удовольствие наблюдать, как закипает его друг.

– Меня сейчас стошнит от этой сладкой дичи! Ты можешь петь песни о своей любви сколько угодно! Мне насрать! Хочу тебе сказать, любая баба превращается в шлюху, как только запахнет золотом. И твоя беляночка – не исключение.

– Закрой свой поганный рот, Орен, или... – Виктор остановил своего жеребца и положил руку на эфес меча.

– Или что? Что ты можешь мне сделать? – расставив руки в стороны, с вызовом спросил мужчина. – Убьешь меня?! Потому что я сказал, что все бабы – шлюхи?! Давай! Вот только я прирежу тебя первым.

– Ты ничего не знаешь о ней и обо мне. И прежде, чем говорить подобные вещи, хорошенько подумай. Ты быстр и грозен, друг мой, но забываешь об одном: ты уже стар, а я молод, – Виктор снял руку с меча и пустил своего жеребца дальше.

– Я таких, как ты, на своем херу вертел, сопляк ты не траханный! Я таких, как твоя шлюха, имел много раз! И знаешь, там, внизу они ничем не отличаются друг от друга, лишь мнят о себе невесть что и хотят за это золота. Помни об этом, друг, – сказал он, сделав акцент на слове «друг».

Виктор никак не отреагировал на его слова.

– Всего хорошего, Орен! – крикнул он напоследок и пустился рысью.

Красавчик был прав насчет своего друга. Виктор Иднис действительно был хорош собой. Высокий крепкий мужчина всегда привлекал внимание девушек. Из-под густых бровей на мир смотрели карие глаза. Высокие скулы добавляли мужественности. Непонятно как, но ему удалось сохранить свой нос прямым, несмотря на то, что тот неоднократно страдал в битвах. В густой бороде пряталась легкая улыбка. Когда он был мальчиком, Орен Лоуб забрал его к себе на воспитание. Со временем они сблизились, но лишь настолько, чтобы считаться близкими друзьями, не более. Когда Виктор в свои шестнадцать лет пришел к нему с вестью о том, что решил жениться на альбиноске, Орен принял это в штыки, решив, что мальчишка испортит себе жизнь. «У тебя было великое будущее, а ты променял его на юбку! Сейчас она еще понесет от тебя и все, считай, ты покойник!» – говорил он Виктору. Но, несмотря на все опасения Орена, его воспитаннику все же удалось создать крепкий союз со своей женщиной, вот только детьми боги их пока не одарили.

Виктор не видел свою супругу больше месяца. Когда жеребец вышел на знакомую дорогу, он ускорил шаг. До дома оставалось несколько миль и мужчина был в предвкушении встречи.

Городок Сула располагался в низовье двух высоких гор. Их называли Пиками Небес, так как вершины уходили высоко за облака. Густая растительность покрывала горы, в непроходимых лесах водилось множество диких зверей, которые любили выходить на тропу или загля-

дывать в городок, поэтому частенько на дорогах можно было встретить останки несчастных, встретивших на пути лесных жителей.

В город вели три дороги. Две из них проходили через лес, пользовались ими только местные жители, хорошо знающие путь. Еще одна дорога – ее называли главной – шла по полям и выходила к устью горной реки, торопливо текущей через Сулу. Виктор решил ехать по ней, так как путь был на несколько дней короче, чем по двум другим.

Уже вечерело, когда он подъехал к пока еще открытым деревянным воротам города. Виктор хорошо помнил тот день, когда они с Адеей впервые вошли через них, едва дав клятву перед богами и жрецом в главной часовне столицы. Будучи столь юными, они уже четко представляли, какой жизни оба жаждали. Еще не зная о трудностях и испытаниях, которые им готовила судьба, они мечтали о большой семье и доме в тихом живописном месте, где не будет гонений и преследований. Виктор, пребывая под опекой Орена Лоуба, часто проезжал мимо дороги, ведущей в Сулу. Юному парню всегда было интересно побывать там. Женившись, он предложил своей супруге посетить это место. Только однажды оказавшись у ворот в город, они поняли, что нашли свой дом.

Городок растянулся вдоль реки. Неказистые дома поросли мхом, некоторые ушли под землю. В центре города стояла единственная постройка, некогда служившая часовней. В ней поклонялись первым богам, но после великого раскола это место превратилось в склад. Имена богов были стерты из памяти людей, традиции и праздника изменены или забыты. Теперь жители Сулы поклонялись богу гор, моля его о мягкой зиме и плодородном лете.

Виктор проехал половину города. Ветер стих, но продолжал моросить мелкий дождик. На его пути оказалась женщина с корзиной, полной винограда. Поскользнувшись на мокрой земле, она упала, рассыпав грозди по земле. Мужчина остановил жеребца, спешившись, подошел к женщине и помог подняться. Она была местной торговкой, продавала фрукты и овощи. Когда женщина увидела Виктора, на ее заветренном лице промелькнула хитрая улыбка.

– Вернулся?! – спросила она. – Ждет, ждет тебя твоя беляночка.

– Нужна помощь? Я мог бы проводить тебя до дома, – любезно предложил он.

– Нет, ступай, жена ждет.

Улыбнувшись во весь рот, он в один миг оказался в седле и пустился галопом туда, где ожидало его счастье.

Их дом был самым крайним в городе. За забором гора начинала свой подъем, а вековые деревья нависали над крышей. Он увидел супругу, та работала в саду. Тонкая женская фигура торопливо укрывала растения перед грядущей зимой. Виктор заметил, что его любимая сильно похудела с их последней встречи и забеспокоился, не случилось ли чего с ней. Женщина тем временем распрямилась, вытирая тыльной стороной руки вспотевший лоб, и, словно почувствовав на себе чей-то взгляд, обернулась.

Адея Иднис была супругой Виктора уже четыре года. Ее внешность была настолько необычной и в то же время притягательной, что люди часто избегали общения с ней, опасаясь, что она – посланница ведьм. Миниатюрная женщина-альбиноска была старше своего мужа на два года, ей исполнилось двадцать два. В Суле многие поговаривали, что она продала свое лоно темным силам, чтобы сохранить молодость и околдовать Виктора. Ведь как бы они ни старались зачать дитя, у них не получалось. Но, несмотря на косые взгляды и укоры в ее сторону, Адея продолжала верить и молить богов о ребенке.

– Я чувствовала, что ты приедешь сегодня, – тихо сказала она, как только Виктор подошел к ней.

Муж запахнул шерстяной плащ на ней поплотнее, чтобы жена не замерзла. Проведя пальцем по ее белоснежной щеке, поцеловал ее и крепко обнял.

– Хлеб только испекла, еще теплый, – опустив белые ресницы, она взяла его за руку и потянула к дому.

– Ты не представляешь, как я проголодался!

Супруги вошли в дом и их окутал запах свежеприготовленной пищи, жар камина и домашний уют. Жилище их было ни маленьким, ни большим. Вместительная кухня с очагом и массивным столом первой встречала гостей. Хозяйская комната с кроватью была справа, а слева обустроили детскую. Именно в нее была вложена вся любовь супругов, но пока колыбель, стоявшая в центре комнаты, пустовала, расписные стены не слышали детского смеха, деревянные игрушки одиноко стояли на своих полках в ожидании того, кто поиграл бы с ними. Дверь в детскую всегда была открытой. Адея часто засыпала там на софе рядом с колыбелью, а Виктор, как заботливый муж, переносил ее на супружескую кровать.

Сняв с себя плащ, женщина стала суетиться на кухне, заботливо накрывая на стол. Виктор неторопливо снял грязную одежду и сел поближе к огню, чтобы согреть промерзшие кости. Как только к нему вернулась способность сгибать пальцы, отстегнул увесистый мешочек с золотом с пояса и положил его на стол.

– Этого нам должно хватить до конца зимы, – кивнул он в сторону денег.

В этот момент перед ним оказалась тарелка с еще горячей мясной похлебкой, ломоть теплого хлеба и поднос с нарезанным сыром.

– Ты не пострадал, пока был... на задании? – запинаясь, спросила Адея.

Ей не нравилось то, чем занимается ее муж. Провожая его в очередную поездку, она не знала, увидит ли его снова, но и выбора у них не было. В Суле с работой было сложно, поэтому мужчины зарабатывали, кто как мог.

– Тебе не стоит беспокоиться об этом, меня не так просто убить.

Отхлебнув ложку похлебки, он испытал истинное удовольствие – горячая жидкость обволокла желудок и вызвала еще больший аппетит. Ведь он больше месяца не ел нормальной еды, лишь то, что сам добывал и готовил на костре.

– Я рада, что ты дома, Раймонд, – улыбнувшись, сказала она и положила свою ладонь на ладонь мужа.

Он замер на короткое мгновение, словно не веря тому, что услышал.

– Как ты сказала? – переспросил он.

– Раймонд. Ты – мой Раймонд, и я рада, что ты дома, – нежно повторила она.

– Да-а, – протянул он, откусывая хлеб. – Я так долго не слышал своего имени, что начал забывать, как оно звучит.

– Тебя ищут, – улыбка тут же исчезла с ее лица, а на глаза навернулись слезы. – Еган Тсили, муж Лилии Тсили, торговки с рынка, вернулся несколько недель назад из Калананта и сказал, что за колдуна огня по имени Раймонд объявлена награда в десять тысяч золотых.

– Я знаю. Орен говорил об этом и предложил мне же организовать охоту на меня, – продолжая есть, ответил он.

– Что будем делать?

– Ничего, ведь никто не знает, что я тот, кого ищут. Для всех я – Виктор Иднис.

Расчувствовавшись, Адея встала из-за стола и принялась нарезать круги по кухне. Юбка серого шерстяного платья свободного кроя изящно колыхалась на ней, разыгрывая воображение и другой аппетит у ее мужа. Красная ленточка под большой грудью слегка приподнимала ее и делала форму еще более привлекательной. Белоснежные кудрявые волосы вились по хрупким плечам. Женщина часто моргала красивыми фиолетовыми глазами, чтобы не заплакать.

– Милая, – Раймонд подошел и обнял за плечи свою суетливую супругу. – Тебе не о чем беспокоиться, я могу позаботиться о нас. Если потребуется, сожгу полмира, чтобы ты больше не тревожилась.

– В том-то и дело, что сжечь половину мира не получится. Все изменилось, Рай, – она серьезно посмотрела в его карие глаза и тут же отвела взгляд, вновь заходя по кухне.

– Что случилось? – серьезно спросил он.

– Уф... – пытаюсь собраться с мыслями, Адея заплакала.

– Адея, что случилось? Тебя кто-то обидел? Если да, то считай, что он уже покойник! – мысль о том, что кто-то может причинить вред супруге, разжигала в Раймонде огонь, который он всеми силами пытался сдерживать.

– Через семь ночей после твоего отъезда я пошла на рынок за продуктами, у меня закончилась рыба, – плача и задыхаясь, старалась рассказать она ему о чем-то важном.

– Адея...

– Нет, погоди, не перебивай, – она старалась успокоить свои эмоции, но у нее получалось плохо. – Так вот, я пошла за рыбой на рынок. Помню, день выдался солнечным и теплым. Я засмотрелась на Пики Небес. Клянусь, мне показалось, что я увидела их вершины. У меня закружилась голова и я потеряла сознание.

Раймонд хотел было что-то сказать, но она закрыла ему рот ладонью.

– Я очнулась у Язгул Мессат, местной знахарки, оказалось, провела у нее несколько дней. Она долго не могла понять, что со мной – я теряла сознание и меня постоянно мутило. Наконец она сказала мне, что я в положении.

Закончив свой рассказ, она медленно опустила руку и внимательно посмотрела на Раймонда. Когда смысл сказанных слов наконец дошел до него, он лишь тихо переспросил:

– Что?

– Боги услышали нас, у нас будет ребенок.

Чувства завладели мужчиной. Окрыленный новостью, он упал на колени перед своей любимой и аккуратно положил руки на едва округлившийся живот. В этот миг он почувствовал что-то родное, теплое и доброе, исходящее из утробы. Ребенок! Он невероятно долго ждал этой возможности – стать отцом, так долго, что, когда наконец получил это, не мог поверить своему счастью. Мужчина приложил ухо к животу в надежде услышать, как бьется сердце их малыша, но оно было еще настолько крошечным, что у Раймонда возникло всеобъемлющее желание защитить свою семью. Встав на ноги, он посмотрел в глаза своей жене и нежно поцеловал ее в лоб.

– Как думаешь, кто это? – спросил он, проведя рукой по ее щеке.

– Ты же знаешь, мне все равно. Самое главное, чтобы ребенок родился и был счастлив, – поцеловав его ладонь, тихо ответила Адея. – А ты кого хочешь?

– Девочку.

– Девочку? Почему? Мужчины обычно мечтают о сыне и чаще расстраиваются, когда рождается девочка.

– Я необычный мужчина, если ты заметила, – ласково поцеловав ее в губы, он потянул ее в сторону кровати. – Девочка – это милое и доброе создание, которое будет любить и отца, и мать, невзирая ни на что. Девочка никогда не оставит свою семью. А еще наша дочь будет невероятной красавицей, такой же, как ее мама.

– И такой же волшебной, как папа, – задыхаясь в вожделении, подытожила Адея.

Эта ночь была полна любви и нежности. Раймонд был чутким и аккуратным, таким, как никогда до этого в жизни. Наконец он почувствовал себя настоящим мужчиной: воином, мужем, защитником, а теперь и отцом.

Глава 4

Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, дышать было тяжело, но останавливаться было нельзя. Элисфия бежала по лесу изо всех сил. Острые шипы терна больно царапали кожу, а ветви мелких деревьев и кустарников цеплялись за волосы, нещадно выдирая их, будто сам лес желал отдать ее в руки неизвестного. Она давно уже сошла со знакомой тропы, удаляясь все дальше в чащу. Элисфии было страшно оглянуться, чтобы убедиться, что за ней нет погони. «Откуда он взялся здесь? – вертелось у девушки в голове. – По Терновому пути никто не ходит. А что, если это был кто-то из Закромов? Хотя люди там слишком заняты тяжелой работой, у них просто нет времени разгуливать по лесу. А может... – последняя мысль ледяной стрелой прошла сквозь сердце. – Может, он пришел из-за завесы?»

Элисфия остановилась и разрешила себе оглянуться. Позади нее никого не было, тишина окутывала лес. Лишь тяжелое дыхание девушки нарушало идиллию. Всматриваясь в просветы между деревьями, она боялась увидеть незнакомого мужчину, но в то же время хотела этого. Ведь если он пришел из-за завесы, то наверняка знает, как пройти через нее и, возможно, сможет провести и ее. Девушка сделала несколько шагов назад, продолжая всматриваться в лесную чащу, но никого не увидела. Элис пыталась вспомнить, как он выглядел. Рассмотреть его Элисфия не успела, но все же запомнила, что он точно выше нее ростом, черноволосый и неопрятно одетый, от него неприятно пахло. Блестящие темные глаза, словно голодные хищники, впились в ее грудь, а губы изогнула опасная улыбка. Мужчина появился внезапно и едва стал наступать на нее, девушка испугалась и пустилась бежать.

Уставшая и напуганная, Элисфия блуждала по лесу. Места были незнакомыми. Подняв с земли увесистую палку и обломив с нее сухие ветки, она продолжила путь, теперь уже более уверенно, ведь обзавелась каким-никаким оружием. Солнце играло между ветвей, но тепла совершенно не давало. Девушка замерзла и, закутавшись поглубже в кожаный плащ, подумала о том, чтобы остановиться и передохнуть. Есть хотелось ужасно, в животе громко урчало. К счастью, впереди виднелись кусты облепихи и смородины. Элис жадно накинулась на них, стараясь проглотить как можно больше ягод. Переходя от куста к кусту, она уловила неприятный запах. Сначала он был едва различимым, но чем дальше проходила девушка, тем сильнее и неприятнее он становился. Тошнотворный, проникающий повсюду, от него невозможно было скрыться. Элисфия зажала нос пальцами, чтобы хоть как-то приглушить его, но это не помогло.

Между деревьев она заметила постройку, похожую на дом. Решив, что там она сможет остановиться и передохнуть, Элисфия направилась к жилищу. Пройти было сложно – за кустами малины сосны и кедры росли плотно друг к другу, а между ними разросся терн. Девушка пыталась пройти аккуратно, но плащ цеплялся за острые шипы. Сбросив его на землю, она продолжила пробираться сквозь заросли, но терн был беспощаден. Множество порезов, из которых подтекала алая кровь, вдоволь напоили шипы. Впереди было еще несколько шагов тернистого пути.

Когда девушка оказалась на свободном от кустов месте, невыносимая вонь ударила в нос. Искать источник запаха долго не пришлось. Перед ней стоял дом, сильно отличающийся от всех построек в Элимии. Стены из серого камня сильно поросли мхом. На крыше проросли маленькие дубы – их стволы были настолько тонкими, что, казалось, они могут сломаться от любого дуновения ветра. Черепица местами проваливалась, позволяя дождю и другим природным явлениям хозяйничать в доме. Окна были сильно испачканы грязью, а какие-то и вовсе заколочены.

Источником неприятного запаха были куски мяса, гниющие под солнцем. Они были черными, шевелились и жужжали. Рой мух облепил их и жадно пожирал. Во дворе царил хаос: по земле были разбросаны вещи, посуда, сломанная мебель. Чем ближе Элисфия подходила

к дому, тем сильнее становился запах. Глаза начали слезиться, а пищевод сокращаться. Дверь в дом была открыта настежь, из нее веяло могильным холодом, а пугающая чернота помещения темной рукой страха сжимала сердце непрошенного гостя. Внимание девушки привлекли две деревянные кадки, стоящие на углу дома. От них исходила настолько ужасная вонь, что Элис едва не стошнило. Мухи, отреагировав на движение, разлетелись, открывая взору девушки вид своего обеда. На этот раз рвоту Элисфия сдержать не смогла. Опорожнив желудок, она бежала дом в надежде отдышаться и прогнать от себя увиденное. Кадки были доверху наполнены забродившей кровью. В этой зловонной жиже разлагались внутренние органы и плавали мертвые мухи. Ей показалось, что кровь и органы принадлежали животным – медведю или оленю, но и эта мысль быстро покинула ее.

За домом она увидела их – три расчлененных трупа висели на металлических крюках, покачиваясь на ветру. То, что это были люди, сомнений быть не могло. У одного из трупов была отрублена рука и торчала из его вспоротого живота. Невозможно было определить, какого пола были эти люди – лица и половые органы съели птицы и дикие животные, а белые личинки прогрызали себе путь из бесконечных дыр. Глотки у трупов были перерезаны так, что головы едва держалась на позвонке. Все это заставило девушку оцепенеть, ее снова вырвало. Большого ужаса в своей жизни она не испытывала.

Сомнений не оставалось – в кадках была человеческая кровь. «Сколько же здесь нашедших свой последний путь? Кто эти люди? – мысли Элисфии скакали с бешеной скоростью. – Элимийцы? Но, если так, то я не слышала о том, чтобы кто-то пропал в последнее время. А может, это люди из Закромов? Они живут по своим законам. Кто это сделал с ними? Неужели тот мужчина с лесной тропы? Тогда кто он?»

Ее мысли прервал хруст сухих веток и чьи-то тяжелые шаги. Страх костлявой рукой схватил за горло, не давая воздуху наполнять легкие, липкий пот покрыл лоб, а сердце застучало в ушах.

– Где ты, олененок? – голос мужчины был низким и страшным, в нем чувствовалось наслаждение. – Ты потеряла свою шелковую накидку. И, если ты не окажешься голой, я буду очень расстроен, – его голос приближался. – Выходи, я обещаю, что покажу тебе, что такое настоящий мужчина. Ты наверняка не знала никого, кроме этих сраных элимийцев.

Элисфия от страха вжалась в стену и медленно пробиралась к другому углу. Там, за тремя полусгнившими трупами, виднелась дорожка в лес. Успеет ли она добежать до нее незамеченной? Голос чужака был все ближе. Ей казалось, что она уже слышит его шаги.

– Маленький олененок заблудился в лесу, – напевал он свою песню. – Забежал далеко от дома. Охотник встретился ему на пути и убил недотепу, – оценив собственные рифмы, мужчина громко засмеялся и резко выскочил на девушку.

Элис закричала и попыталась бежать, но цепкие руки сильно схватили ее за локти. Его язык высунулся из мерзко пахнувшего рта и прошелся по ее щеке. Девушка пыталась вырваться, но он лишь сильнее сжимал ее.

– Куда же ты собралась, олененок? Мы еще даже не начали, – одной рукой он задрал ей юбку и залез между ног, от этого действия ей захотелось умереть. – Ты уже не девочка, верно? – продолжал облизывать ее незнакомец. – Тогда я рассчитываю, что ты умеешь ублажать мужчину.

Она не собиралась так просто сдаваться и свободной рукой сильно ударила его по лицу, расцарапав его. Незнакомец разжал руки, ухватившись за раны, и в этот момент его темные глаза зажглись такой ненавистью и яростью, что взгляд оказался страшнее, чем вероятность быть изнасилованной.

– Ты, паршивая шлюха! – заорал он и снова попытался ее схватить.

Элисфии удалось увернуться и пуститься наутек. Миновав мертвецов, она оказалась на тропинке. Мужчина следовал за ней. Девушка не разбирала дороги и петляла между дере-

вьями. Одна из веток угодила ей прямо в лицо, оставив глубокую царапину на щеке. Но единственное, о чем она сейчас мечтала – оказаться подальше от этого места и не стать одной из вспоротых на крюке. Она не заметила камня, возникшего на пути. Споткнувшись, сильно разбила колено, кровь алой струйкой потекла по ноге, в глазах потемнело от боли, а в ушах раздался звон. С ветки вспорхнула птица, заставив ее забыть о боли. Оторвав кусок ткани от своего платья, Элисфия наспех перевязала колено. Оглянувшись, она внимательно всматривалась, не преследует ли ее убийца. Между деревьями было темно и тихо. Понадеявшись, что он потерял ее из виду, Элис стиснула зубы от боли, кое-как поднялась на ноги, опираясь о стволы деревьев, и стала пробираться дальше к своему спасению.

Впереди забрезжил просвет – заканчивался лес. Элисфия надеялась, что, выйдя из него, наконец поймет, где находится, и тогда сможет позвать на помощь.

– Давай! – крикнула она себе, когда упала от боли. – Вставай и иди, иначе тебя убьют! – слезы бессилия и отчаяния заслонили глаза. – Вставай и дерись, ведь Борей тебя всему научил. Чего ты испугалась? – слезы, смешанные с оскалом, придали ей сил, она ползком продолжила свой путь к кромке леса. – Еще немного, – уговаривала она себя, – еще чуть-чуть. И ты будешь спасена...

Оттолкнувшись руками от последнего дерева, она оказалась на зеленой траве. Солнце светило ярко, но уже опускалось. Перевернувшись на спину, девушка отметила, что небо было особенно голубым – ни единого облачка, лишь недосыгаемая высота и бесконечная свобода.

– Нельзя расслабляться, – дала она себе команду. – Вставай!

Едва она села, боль острым ножом отозвалась в колене, нога стала опухать. Где она сейчас находится и как далеко ушла от дома, ей было неизвестно. В любой момент насильник мог появиться из леса и оборвать жизнь девушки, а перед этим вдоволь насладиться ее мучениями – словно она мало их перенесла. Невероятной силой воли Элис заставила себя подняться на ноги, опираясь о ствол сосны. Лес оставался позади, впереди простиралось бескрайнее поле, заросшее травой и дикими цветами. По краю этого поля проходила широкая черная полоса земли, за которой вновь начинался густой лес.

Элисфия решила, что сможет укрыться в том дальнем лесу и сбить таким образом убийцу со следа. По мере приближения к черной полосе ей становилось не по себе. Неуверенный внутренний голос тихо шептал ей, что лучше не приближаться к этому месту, но желание спастись кричало о том, что путь нужно продолжать. Когда до черной полосы оставалось несколько футов, она наконец поняла, где оказалась: завеса – невидимая стена, отделяющая Элимию от остального мира. Стена, которую невозможно пересечь ни изнутри, ни снаружи. Элимийцы всегда держатся от этого места как можно дальше, считая, что оно проклято, и любой, кто приблизится к завесе, будет проклят Матерью. Ведь именно она спасла Элимию от нападения трайтеров, и по сей день защитная завеса питается энергией, которую берет из тела Аркема Созидателя. Желание проникнуть за завесу расценивалось как предательство и неуважение к Богине-Матери. Элис никогда не верила в эти сказки, ведь со слов Борей он нашел ее с другой стороны – во внешнем мире, а значит, никакие проклятья на нее не действуют. Однажды она попросила отвести ее к завесе, но ничего подобного тому, что предстало перед ней сейчас, не видела раньше.

Когда она была у завесы впервые, не было черной земли, лишь примятая трава и деревья, кроны которых не решались пересечь невидимую черту. Теперь же все представилось в другом свете. Полоса шириной чуть более половины мили простиралась бесконечно в обе стороны. Земля внутри нее была мертвой, усеянной пеплом и золой, словно после сильного пожара. Среди черного месива не росла ни единая травинка. Со стороны казалось, что и воздух внутри стоит и не движется. Но самым пугающим внутри завесы были тысячи скелетов, нашедших здесь свое упокоение. У края, где стояла девушка, костей было больше – по всей видимости, это элимийцы, пытавшиеся пройти сквозь невидимую стену. Их останки будто перемешали,

невозможно было различить, где очертания того или иного тела. Ближе к другому краю скелетов было меньше. Это зрелище настолько заворожило Элисию, что она позабыла об угрозе, исходившей из леса. Медленно прохаживаясь вдоль невидимого барьера, она внимательно разглядывала скелеты. Все они были древними, некоторые уже превратились в труху. Ни на одном из них не осталось плоти – все сгнило, даже запаха у этого места не было.

Продолжая медленно переступать вдоль завесы, Элисия всматривалась вдаль – по ту сторону. Темный лес не казался ей страшным и зловещим: солнце светило между деревьев, листья и трава покачивались на ветру. Девушке показалось, что оттуда пахнет свободой. Ей в голову стали приходить различные образы той жизни, которой она была лишена. Элис представила города, людей, их песни и еду, бесконечное переплетение дорог, которые могли привести ее куда угодно. Желание настолько наполнило ее, что она сама не заметила, как протянула руку в желании прикоснуться к невидимому барьеру. «А вдруг его больше нет? – говорила она себе. – А что, если я смогу уйти прямо сейчас? Всего половину мили – и я свободна. Вдруг...»

– На твоём месте я бы не стал этого делать, – тяжелая рука легла на плечо.

Элисия вздрогнула и вскрикнула. Пытаясь хоть как-то защититься, она начала отбиваться руками, но от боли в ноге упала на землю, сильная дрожь пробила тело.

– Элис! Это я, Борей! Ты чего?

Увидев рыжего мужчину, встревоженно смотрящего на нее, девушка немного расслабилась. Мужчина присел рядом с ней.

– Борей! – обняв его, девушка почувствовала, что теперь она в безопасности – он сможет ее защитить. – Я так рада тебя видеть! Ты искал меня? – заглянув в его глаза, она хотела увидеть подтверждение своим словам, но вместо этого увидела удивление и непонимание вопроса.

– Разумеется, я искал тебя, – растягивая слова, словно придумывая ложь, Борей отстранился от нее. – Фотсмены бьются в истерике, пытаюсь узнать, где тебя носит. Что с твоей ногой?

– Я упала, – честно призналась она, но в сердце закралось сомнение: «Что он здесь делает и как смог отыскать ее в таком огромном лесу?» – На меня напали...

– Напали? – глаза Борей округлились. – Кто на тебя напал, милая?

– На Терновом пути мне встретился мужчина. На местного не похож. Когда он погнался за мной, я петляла в лесу в надежде сбить его со следа, потом наткнулась на хижину, – рассказывая, Элис внимательно следила за выражением лица Борей и не видела удивления, словно ему было об этом известно. – Там были разделанные человеческие тела, везде бардак и кровь, это было ужасно, – она вспомнила запах того места и ее вновь замутило. – Он настиг меня и попытался изнасиловать, но я смогла убежать, споткнулась и разбила колено. Хотела спастись в том лесу, но нашла их, – она кивнула в сторону невидимой стены.

– Элис, – мужчина почесал свою лохматую рыжую бороду, в его голубых глазах заиграли огоньки, которые девушка раньше не видела. – Какой мужчина? Ты уверена?

– Ты мне не веришь? – она подняла брови.

– Верю, верю, ты не подумай, – Борей выставил руки вперед, словно защищаясь. – Просто я не уверен, что в этих лесах кто-то живет, а уж тем более в то, что там есть хижина с расчлененными телами. Ты пойми, я лесничий и знаю эти леса как свои пять пальцев, но ни разу не видел здесь чужих, а уж тем более построек.

– По-твоему я все это придумала?! И колено сама себе расшибла?! – девушка обхватила больное место рукой, оно нарывало.

– Возможно, когда упала, ты сильно ударила головой, потеряла сознание и тебе все это приснилось, – аккуратно подбирая слова, Борей подался вперед, чтобы помочь подняться девушке, но она отпрянула от него. – Такое бывает накануне свадьбы. Я понимаю, что быть частью семьи Фотсменов – такое себе удовольствие, но все же... Волнение есть волнение.

– Значит, приснилось? – стиснув зубы, Элисия поднялась. – А вот это мне тоже приснилось? – указав на скелеты, она серьезно посмотрела на него. Девушке было обидно, что

Борей не верит ей, а может, и верит, но делает вид, что не понимает, о чем она говорит. Но вот зачем ему это...

– Это не приснилось, – поджав губы, ответил мужчина. – Это – жестокая реальность.

– Что с ними стало?

– Так устроена завеса: любой, кто попытается пройти через нее, незамедлительно умрет, тело разорвет на части, – мужчина подошел практически вплотную к невидимой стене. – Смерть этих бедолаг была ужасной. Они не хотели жить по другим правилам и устоям после запечатывания Элимии.

– Но ты же как-то прошел через нее! Прощел вместе со мной! Значит, есть вход и выход.

– Я не знаю, что тогда произошло, – в глазах мужчины загорелась мольба. – Я просто шел и молил о спасении.

– Выходит, нужно молить о спасении? И тогда завеса пропустит? – по выражению лица Элис было видно, что она не верит в его слова.

– Милая, я не знаю, что тогда произошло, – он вновь попытался положить свои большие руки ей на плечи, но она увернулась. – Иногда происходят вещи, которые нельзя объяснить, их нужно просто принять как данность.

– Вроде того мужчины, который пытался меня изнасиловать... – девушка начала пятиться назад. – Это просто данность.

– Элис, не было никакого мужчины. Еще раз тебе говорю: я знаю эти леса как никто другой. Здесь нет никого.

– Я ударила головой и мне это приснилось, – процитировала она его слова.

– То, что ты говоришь, очень серьезно. Ты понимаешь это? – Борей скрестил руки на груди. – Если в наших лесах завелся насильник-убийца, это может спровоцировать беспокойство в обществе. Люди начнут паниковать, расшатывать размеренный уклад жизни, требуя от старейшин снять завесу. Хаос – вот что ждет Элимию, если ты расскажешь об этом кому-нибудь.

– Ты предлагаешь мне молчать?! – не верила своим ушам Элисфия.

– Я лишь хочу как лучше...

– Только для кого ты хочешь лучше, а, Борей?

– Прошу тебя, давай обойдемся без упреков. Лучше я отведу тебя домой, а то уже вечерет, – мужчина засунул пальцы себе в рот и несколько раз свистнул.

Действительно, солнце уже коснулось крон деревьев, а Элис этого даже не заметила. На секунду ей стало не по себе от того, что может ждать ее дома. Ведь она никогда еще так надолго не отлучалась. Но вот странное поведение Борей волновало ее больше. Он никогда ничего не скрывал от нее, возможно, это она так считала. Тем временем из леса выбежал молодой пятнистый жеребец и подбежал к своему хозяину.

– Ах ты ж, мой сорванец! – потрепал Борей за гриву коня. – Давай доставим Элис домой.

– Я привязала Удачу рядом с мостом у Тихой, нужно вернуться за ней, – вдруг вспомнила девушка о старой кобыле, оставленной в лесу.

– Не переживай, – Борей подхватил Элисфию и посадил на коня. – Я отвезу тебя домой и вернусь за ней. Колено нужно срочно обработать. Надеюсь, у Мари есть какое-нибудь средство, чтобы унять боль.

Мужчина забрался в седло и направил жеребца в обратную от завесы сторону. Долгое время они ехали в молчании. Элисфия думала о том, что произошло с ней сегодня: о том сумасшедшем из леса, о завесе и возможности ее обойти, о Борее и его реакции на произошедшее. Все это было странно и неприятно, рой вопросов в голове, и более она не могла их сдерживать.

– Почему ты никогда не показывал мне это место? – обиженно спросила она. – Ты водил меня туда, где было красиво и выглядело все совершенно по-другому.

– Ты про завесу? – удивленно переспросил Борей. – Так я тебя никогда и не водил туда.

– Ты не водил?! – от возмущения девушка забыла, как дышать. – Тогда что это было за место, которое ты представил мне как завесу?

– Давно это было, я не помню того, о чем ты спрашиваешь, – невозмутимость в его голосе еще сильнее возмущала.

– Как же? – тихо прошептала она. – Ты водил меня одиннадцатилетнюю с предложением посмотреть на невидимую стену, окружающую Элимию... Ты отвел меня туда и сказал, что это и есть она.

– А-а, ты об этом... – стукнул он себя по лбу. – Так это было самое обычное место. Я вырубил там деревья, чтобы не падали, и решил тебе показать.

– Но почему ты мне соврал?!

– А что я должен был тебе показать? – нотки строгости и раздражения зазвучали из уст мужчины. – Я должен был отвести девочку к этому могильнику, показать тысячи скелетов людей, умерших в муках? Они хотели сбежать отсюда и вот к чему их это привело – к смерти! Я не хотел, чтобы ты забросила тренировки. Я хотел, чтобы ты верила, что есть выход, что где-то там есть жизнь и свобода. Увидела бы ты все это, что бы с тобой было? Ты испугалась бы и закрылась в себе, перестала бы мечтать убраться отсюда! А без мечты в Элимии не выжить.

– Значит, ты нашел меня не в лесу за завесой? – смешанные чувства овладели Элис: грусть, обида, тоска и раздражение сплелись в один клубок.

– Ты не готова к правде, – почти шепотом отозвался он.

– Ради Великой Матери, Борей, может быть, уже хватит ходить вокруг да около? Почему ты не можешь рассказать мне правду? Правду обо мне! – девушка почти кричала. – Это мое прошлое! Моя жизнь! А у меня ощущение, словно я проживаю не свою! Все вокруг что-то скрывают, недоговаривают, чего-то хотят... Тебе не кажется, что ты поступаешь слишком жестоко со мной? Ты даешь мне надежду, а сейчас говоришь, что завесу пересечь невозможно, что единственное, что там ждет – это смерть. Что все это значит?

– Я делаю это ради твоего блага, – по-отечески ласково ответил Борей.

– И ради моего блага ты отдал меня Фотсменам?

– Да, – короткий ответ мужчины окончательно разрушил все аргументы Элис и ввел ее в состояние некоего шока.

«Знает ли Борей, какие мерзости и гнусности делают со мной Фотсмены, какую боль причиняет мне Рамон? Благом здесь и не пахнет... Или Борей такой же садист, как и мои будущие родственники?» – от этой мысли девушке стало совсем не по себе.

Всю оставшуюся дорогу они ехали молча. Тихий топот молодого жеребца по влажной земле успокаивал и убаюкивал – Элисия задремала. Разбудило ее громкое ржание коня. Когда она открыла глаза, поняла, что они оказались на окраине города. Борей остановился на углу заброшенного дома. Когда-то давно здесь жил цветочник, но как только он отдал душу Матери, его дом оказался нужен только молодым людям, искавшим уединения. Элисия и Борей часто встречались на углу этого дома. За ним рос густой сад, где можно было легко скрыться от посторонних глаз. До дома Фотсменов – еще приличное расстояние. Солнце закатилось за кроны деревьев и улицы поглотила тьма, разрываема лишь одинокими уличными факелами.

– Я дойду сама, – сказала она Борею. – Не хочу, чтобы кто-нибудь увидел нас вместе. Ты знаешь, Грир запретил нам видеться.

– Как ты дойдешь? – он указал взглядом на сильно опухшее колено. – Тебе нужна помощь знахаря, я не оставлю тебя.

– Дойду как-нибудь, – нога действительно болела настолько, что от любого движения темнело в глазах. – Меня и так ждет «очень приятный» вечер... Не хочу, чтобы и тебе досталось.

– Знаешь, мне все равно, что твои Фотсмены сделают, я их не боюсь, чтобы ты знала.

– А что они сделают мне, тебе тоже все равно? – в голосе Элис слышалась решимость. – Я дойду сама. Помоги встать на ноги.

Поджав губы и тяжело выдохнув, мужчина понял, что ему ничего не остается, как следовать желанию девушки. Сейчас он ей ничем помочь не может, наоборот, будет у Фотсменов как бельмо на глазу – вечно жаждущий встречи с ребенком леса. Им не нравилось то, какое влияние оказывал Борей на Элисфию – после встреч с ним она становилась дерзкой и своенвольной. Это совершенно не укладывалось в представление Фотсменов о том, какой должна быть супруга их сына. К тому же у них была власть и имя. Одним словом, они могли лишить его жизни, а Элис – последней надежды на мечту о свободной жизни.

Взяв аккуратно за талию, Борей опустил ее на землю, боясь отпустить. Выглядела она маленькой и хрупкой, но он точно знал, что она боец и сильнее, чем кажется внешне. Мужчина почувствовал дрожь в ее теле – настолько больно ей было опираться на ногу, но Элис не издала ни единого звука, лишь дыхание ее сделалось более учащенным.

– Ты уверена? – с надеждой спросил он.

Борей не хотел отпускать и отдавать ее им. Он любил Элис и даже мысль о том, что ей могут причинить вред, сильно ранила его чувства. Но Элимия – не место для таких, как он, более влиятельные и состоятельные горожане не стали бы считаться с обычным лесником, ни за что не оставили бы девушку ему.

– Да, – ее короткий, но уверенный ответ заставил мужчину отпустить Элисфию. Сморщившись от боли, девушка оперлась о стену здания и медленно побрела в сторону своего дома.

– Элис! – окликнул ее Борей. – Потерпи еще немного, прошу тебя. Обещаю: скоро все закончится.

Но девушка даже не оглянулась, продолжая свой болезненный путь. Мужчина еще долго смотрел ей вслед, пока хрупкая фигура не скрылась за поворотом.

– Береги себя, любимая, – прошептал он и, оседлав коня, поскакал прочь.

Нога горела огнем, каждое движение отдавало невыносимой болью. Голова кружилась, в глазах темнело. Элисфии казалось, что еще немного и она потеряет сознание. Было уже довольно темно, когда она вышла на свою улицу. На ее счастье, по пути ей никто не встретился. Лишь старуха Амриель, как всегда, выглядывала из своего окна и не стеснялась в выражениях:

– Э-э-х, блудница вернулась, – скрежетал старушечий голос. – Грир тебя уже давненько ищет, никак сыскать не может. Сказал, вернешься, три шкуры с тебя сдерет! А как по мне, лучше бы так и сгнула там, где была. Мерзкая девчонка!

Элисфия не слушала ее речей, в них всегда был лишь яд. К тому же травма не давала ей покоя. В окнах дома горели свечи, значит, Фотсмены еще не спят, причем все. Они ждут ее возвращения, ждут, когда смогут еще раз напомнить ей, кто она и зачем находится в их доме. Оказавшись у входной двери, она не сразу решилась войти. Дверь была массивной, сделанной из красного дерева. На ее полотне был вырезан фрагмент из книги о падении Богини-Матери на землю. Прекрасно выполненная работа скрывала за собой ужасные вещи. Дважды глубоко вдохнув и выдохнув, набравшись смелости, она вошла внутрь.

Пройдя несколько шагов по небольшому коридору, Элисфия оказалась в гостиной. В камине потрескивал огонь. Не решаясь повернуться лицом к своей приемной семье, она четко ощущала взгляд каждого на себе.

– Где ты была? – тоном, не терпящим возражений, спросил ее Грир Фотсмен.

Сжав пальцы в кулак, Элисфия повернулась к ним лицом. Грир сидел у камина, облаченный в красный бархатный халат, читая какое-то письмо. Он даже не смотрел на нее, прекрасно зная, что девушка стоит перед ним. Рьяна, одетая в белое ночное платье, сидела в высоком кресле и пыталась расчесать жесткие волосы Дионы, сидевшей у нее в ногах также в ночной одежде. Рамон стоял, опершись о стену, и отрешенно смотрел в пустоту. На нем была обычная одежда, указывающая на то, что молодой мужчина не собирался ложиться спать. Голубой

дублет из шерсти был распахнут настежь, нательная рубашка была влажной, светлые штаны испачканы в грязи, ноги босы, а волосы растрепаны. Тишина была давящей и пугающей, отчего сердце Элисфии забило сильнее, заставляя забыть о боли.

– Ты не услышала вопрос? – не глядя на нее, повторил Грир. – Где тебя носило?

– Я заблудилась в лесу, – голос девушки немного осип, ей пришлось откашляться и снова повторить. – Я заблудилась в лесу и...

Теперь уже все внимание было сфокусировано на ней – все члены семьи отложили свои дела и пристально стали ее рассматривать, словно видели Элис впервые.

– Заблудилась в лесу? – повторил Грир. – Что это значит?

– Я упала и повредила ногу, – оправдываясь, затараторила девушка, подняв юбку, чтобы показать распухшее колено, – и...

Рьяна перебила ее:

– Какое бесстыдство! – буквально завопила она. – Как ты смеешь оголяться перед моим мужем?! Немедленно прикройся!

Девушка поспешно опустила разорванную юбку и виновато опустила взгляд.

– На меня напал мужчина в лесу, – тихо произнесла она.

Рамон, все это время стоявший отрешенным, наконец обратил внимание на свою невесту. Его взгляд не предвещал ничего хорошего, но Элис все же решила продолжить.

– Он вышел из леса на Терновом пути, весь в лохмотьях и дурно пах. Глаза у него были темные и безумные, а в волосах было столько блох, что некоторые даже на лицо ему выползали. Он хотел схватить меня, но мне удалось убежать. Я бежала и заблудилась, а потом наткнулась на его хижину в лесу. Он творит там ужасные вещи, убивает людей. Прошу вас, Грир, нужно рассказать об этом совету, чтобы поймать его и призвать к ответу, – как есть выпалила девушка.

– Мужчина? – скучающим тоном произнес Грир Фотсмен и поднялся со своего кресла, взглянув на сына.

Тот молча стоял, прожигая взглядом дыру в своей невесте.

– Мужчина в лесу? Интересно, – почесал Грир подбородок. – Тебе не кажется это странным?

– Разумеется, кажется, – воодушевилась Элисфия. – Я рассказала эту историю Борей, но он мне не поверил. Вы верите мне?

– Значит, за время от момента нападения и до возвращения ты успела еще и с Бореем увидеться?! – глаза Грира становились все уже.

Рьяна вытянулась на стуле, а Диона ехидно улыбалась.

Элисфия почувствовала, что сболтнула лишнего, но пути назад уже не было. Ее сердце вновь начало сильно биться в предчувствии чего-то плохого.

– Меня нашел Борей у... – про завесу и тысячи скелетов она решила умолчать, – у ручья и помог вернуться домой.

– Сколько раз я тебя поучала, девочка? – сквозь сжатые губы Рьяна практически рычала. – Борей Балитер – дурной человек, дикий лесник, который не может научить юную леди хорошим манерам и правильному услужению будущему мужу! Ты отсутствовала дома целый день! Мой сын сбился с ног в поисках невесты. Но что мы видим? – тональность ее голоса понизилась и превратилась практически в шипение. – Ты заваливаешься в дом грязная и побитая, – нижняя губа женщины затряслась. – Неприятная... И открыто заявляешь, что развлекалась с мужчиной в лесу!

– Все совсем не так, как вы думаете! – Элисфия отчаянно замотала головой, она и не надеялась, что семья ей поверит, но чтобы вот так вывернуть ее историю – такого девушка явно не ожидала. – Он хотел причинить мне зло...

– Ты обвиняешь меня во лжи? – Рьяна встала со стула и подошла к Элис.

– Нет, вовсе нет. Я лишь хотела, чтобы все узнали...

– Узнали, что ты потаскуха? – сощурила женщина глаза.

– Прошу вас, я говорю правду, – умоляла девушка.

– Ах ты, дрянь! – женщина замахнулась и ударила ее по щеке. – Ты позоришь наше имя, имя достопочтенных Фотсменов! Ты – приемная дочь верховного советника, а ведешь себя как родная дочь шлюхи с Закромов. Если я узнаю, что тебя опорочил другой мужчина, берегись моей мести! – тыкая пальцем ей в лицо, Рьяна от злости брызгала слюной.

– Полно тебе, милая, – советник Грир взял руку своей супруги, которой она ударила Элис, и ласково поцеловал ее. – Зачем ты портишь свою нежную кожу о рожу грязной девки?

– Рамон! – взмолилась Элис. – Я говорю правду! На меня напали! Хоть ты мне веришь? Рамон!

– Завопила, ослиха, – Диона оскалила большие зубы.

Ее нельзя было назвать красивой, скорее, наоборот. Девушка восемнадцати лет внешностью походила на отца. Высокая и худая, немного сутулая. Ее волосы цвета соломы были жесткими и сухими. Как бы Рьяна ни старалась поладить с ними, у ее дочери всегда было гнездо на голове. Массивная челюсть с лошадиными зубами, большой нос и маленькие хитрые глаза делали ее уродливой. Все в Элимии судачили, что Рамон забрал себе всю красоту матери, не оставив сестре ничего. И даже нрав у нее был таким же жестким и колючим, как ее волосы. Но она любила красиво одеваться, в ее гардеробе всегда были самые лучшие платья. Диона никогда не упускала возможности задеть названую сестру и этот вечер не стал исключением.

– О тебе и так молва дурная ходит, – Диона приближалась к Элис, словно змея к мышке. – Одни кличут тебя «подкидывшем ведьминым», другие, напротив, говорят, что ты «дитя потаскухи», которая залетела от очередного клиента и выбросила тебя в лесу, надеясь на твою гибель. Да дурачок Борей нашел и приволок тебя. Видишь, как ни крути, ты – грязь и погань.

– Тогда зачем же вы в дом к себе взяли грязь и погань? – набравшись смелости, Элис сказала то, что долгие годы держала в себе.

Рьяна и Грир изменились в лицах, а Диона рассвирепела. Одним резким движением она оказалась возле Элисфии. Вцепившись ей в волосы, она практически выплюнула той в лицо:

– Потому что ты, дрянь, нужна лишь для одного! Твое дело – ублажать моего брата и рожать ему детей. Но, кажется мне, ты и здесь бесполезна! За столько лет, что мой брат пользуется тобой, ты не смогла понести. Может, и правда тебя следует вернуть туда, откуда взяли? В лес, к тому мужику, что хотел поиметь тебя!

– Довольно! – Рамон наконец подал голос. – Отпусти ее, Ди! – схватившись за переносицу пальцами, он тяжело дышал, словно ему было больно.

Диона тут же послушалась своего брата и отпустила жертву, вернувшись к матери. Та обняла ее.

– Рамон, – прошептала Элисфия, – прошу, – ее глаза стали влажными, но ни единая слезинка не покинула их.

– Оставьте нас, – строго приказал парень.

Члены его семьи не стали спорить и быстро покинули гостевую комнату. На какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая потрескиванием горящего дерева в камине и тяжелым дыханием молодого мужчины.

– Рамон, я... – начала было Элис.

– Замолчи! – резко оборвал он ее.

Подойдя к столику у камина, он налил себе из графина теплого вина в кубок и одним глотком осушил его. Наполнив еще один, он развернул отцовское кресло и по-хозяйски развалился в нем.

– Расскажи мне, дорогуша, как в твою прекрасную головку пришла идея отправиться в лес? – потягивая вино, Рамон пристально следил за ней.

– Рамон, я... – она сделала шаг навстречу к нему, но остановилась.

В глазах мужчины горел страшный огонь и девушка поняла, что ее ждет. Вопрос оставался лишь в том, насколько все будет ужасно.

– Я задал тебе вопрос, – чеканя каждое слово, он скалил зубы.

– Я проснулась, в доме никого не было, даже Мари. Я не знала, куда вы все отправились, и решила немного прогуляться верхом на Кадле, но его не оказалось в конюшне. Тогда я взяла Удачу и оправилась по Терновому пути. Хотела просто полюбоваться лесом. У моста Удача отказалась идти дальше. Я спешила, привязала ее и перешла мост. Потом мне встретился тот мужчина... Остальное я уже рассказала, – на одном дыхании выпалила Элисфия.

– Интересная вещь получается, – повертев кубок в руке, Рамон швырнул его в свою невесту, та едва успела увернуться. – Ты мне лжешь!

– Клянусь, Рамон, я не вру тебе! – упав на колени, взмолилась девушка. Дикая боль в колене обожгла сознание, но она изо всех сил старалась не подать виду.

– Ты бежала от преследователя, возжелавшего тебя, наткнулась на его хижину в лесу и испугалась, поранила ножку и долго плакала, моля о спасении?

– Да, все было примерно так, – ее голос немного надломился.

Рамон подошел к ней и больно сжал ее подбородок. Левая щека Элис горела от удара Рьяны. Тогда он размахнулся и ударил ее по правой. Девушка пошатнулась и могла бы упасть, но он крепко держал ее.

– За что? – прошептала она.

– За ложь, – мужчина заправил выбившийся локон ей за ухо и провел пальцем по ее губам.

– Но я не врал тебе.

– Ты сказала, что Борей Балитер нашел тебя у моста, что возле ручья. Выходит, ты, спасаясь от неизвестного мужчины, заблудилась, бедняжка, но смогла вернуться к мосту, а дорога от моста до дома тебе прекрасно известна.

Здесь Элисфия поняла, что ей следовало бы лучше продумать свою историю. Она второй раз попала на лжи. Теперь ей оставалось только ждать, чем закончится сегодняшняя ночь.

– Хочешь, я расскажу тебе, что произошло? – Рамон нависал над ней, словно огромный медведь. – Ты, грязная потаскуха, хотела сбежать от меня! Ты думаешь, я совсем слепой и глухой? Думаешь, не вижу того, чем вы с Балитером занимаетесь? Ты ищешь способ пройти через завесу! И вот в одно прекрасное утро никого не оказалось дома, – он еще сильнее сжал ее подбородок. От боли девушка застонала. – И ты решила сбежать, гнусно и подло, как крыса, втихую. Но тут тебе попался неизвестный член и ты решила напоследок оторваться. Видимо, что-то пошло не так, и ты, как побитая собака, вернулась назад! – он ударил ее по больному колену.

На этот раз Элисфия была не в силах стерпеть боль, она закричала, но ее крики никого в этом доме не трогали. В глазах потемнело, в ушах пульсировали удары сердца. Дыхание сделалось прерывистым и тяжелым. Она еще не успела опомниться от этой боли, как Рамон с ноги ударил ее в живот. Девушка попыталась отползти от него, опереться на что-нибудь и попробовать встать, но он схватил ее за волосы и поднял за них.

– Ты – грязная девка, Элис! – второй рукой он схватил ее за горло и начал душить. – Моя семья оказала тебе великую честь, взяв к себе под защиту. Но ты вытерла ноги о нашу добродетель!

Элисфия стала задыхаться. Она пыталась освободиться, но чем сильнее сопротивлялась, тем сильнее Рамон сжимал ее горло. Когда она уже была готова отключиться, он отпустил ее. В приступе удушливого кашля девушка лежала на полу, мечтая лишь о том, чтобы умереть прямо здесь, покончив со своими мучениями.

– Посмотри на меня! – закричал Рамон. – Я сказал, смотри на меня! – резким движением он перевернул ее так, что их взгляды пересеклись. – Думаешь, ты умная? Ты лучше всех? Ты никто без меня! Ясно?! И я знаю твой секрет.

Рамон встал, сунул ладонь в карман штанов и достал флакон, хорошо знакомый девушке. В нем была жидкость грязно-серого цвета. Она приготовила ее из дьявольского корня, который принес ей Борей. Глаза Элисии округлись – она почувствовала, что ее главный секрет стал известен всему миру. Без этого секрета она осталась совершенно голой перед разъяренной толпой. В сознании проносился лишь один вопрос: «Как?»

– Я все думал, почему ты не можешь понести, ведь я с тобой практически каждую ночь бываю. Знаешь, все-таки хорошей была идея отправить тебя учиться на повитуху вместе с Дионой. Она-то мне и поведала, что есть такое средство, выпив которое, о потомстве можно забыть. И вот я задумался: а что, если ты, подлая дрянь, решила сварить себе такое же? Ведь твой дружок лесник может принести тебе из леса что угодно, – он сидел на корточках и усмехался. – Ты глупая, глупая женщина, если думаешь, что от Рамона Фотсмена можно что-нибудь скрыть.

Он бросил флакон в пылающий камин. От жара огня тот запищал и лопнул. Элисия почувствовала, как с ним исчезает и ее последняя надежда на спасение. Опираясь о подлокотник кресла, преодолевая боль, она поднялась на одной ноге и посмотрела в глаза своему мучителю.

– Нечего сказать? – Рамон развел руками и недобро улыбнулся.

– Мне жаль, – поруганная, униженная, потерявшая всякую надежду, девушка гордо подняла голову – она была готова принять свою судьбу.

– А вот мне не жаль! – рассвирепел Рамон.

Он набросился на нее, словно дикий зверь. Ударив кулаком в лицо, разбил губу и повредил нос. Кровь полилась из ран, девушке было невыносимо больно. Но Элис решила, что не издаст ни звука, чтобы не доставлять ему еще большее удовольствие. Удары сыпались один за другим, лицо Рамона стало красным от прилившей ярости, руки – красными от крови. На лице и теле девушки практически не осталось места, где не побывала бы его рука или нога. В конце концов он совсем выдохся. Элисия лежала на полу практически без сознания, боль пронизывала каждую клеточку ее тела. Но этого мучителю показалось мало – его одолела похоть. Разорвав окончательно ее платье, он овладел ею, а когда закончил, то прошептал ей на ухо:

– Ты родишь мне столько детей, сколько сможет вместить твое лоно! После этого я выкину тебя в Закрома на потеху местным мужикам. Туда, где тебе и место! Ты поняла?!

Схватив за волосы, он поволок Элис в каморку, где бросил, словно ненужную вещь. Тяжелый замок преградил ей последний путь к отступлению. Закрыв глаза, девушка лишь молила о смерти.

Глава 5

Сгорбившись, Исиндомид работал за своим столом: трясущимися руками смешивал настойки и снадобья в прозрачных пробирках. Во флаконе, куда он переливал жидкости, цвет менялся каждый раз, как только в него попадал новый ингредиент. Колдун расплылся в беззубой улыбке, когда эссенция приобрела янтарный цвет.

Кряхтя, он встал со стула и побрел к дубовому шкафу, стоящему у противоположной стены в углу и со скрипом открыл дверцы. На полках теснились бархатные мешочки с различными порошками. Исиндомид взял один из них и побрел обратно. Остановившись на мгновение в середине комнаты, посмотрел в окно. Цокнув языком, он сделал еще несколько шагов к своему столу – нужно было поскорее закончить начатое.

После захвата имения в Высокой долине Исиндомид наконец получил место, где с удобством мог разместиться со всем своим колдовским инвентарем. Ханар Эпперли распорядился выделить ему лабораторию под крышей. Из ее окна открывался красивый вид: глубоководная река Гонок протекала под стенами крепости, а лес за ней обещал прохладный и свежий ветер вечерами. Лишь желтый горизонт напоминал, что пребывающий здесь находится в неприветливом месте. Виалосламские степи славились своей жарой и песчаными бурями.

Лаборатория Исиндомида имела неправильную форму, но благодаря трем большим окнам была очень светлой. Вдоль стен тянулось множество полок, на которых теснились снадобья, ингредиенты для зелий, колдовские атрибуты, необходимые для ритуалов, и бесконечное множество книг. Ближе к двери расположились крупные сосуды с заспиртованными человеческими эмбрионами и животными. В некоторых были различные органы и части человеческих тел.

Добавив в пробирку последний ингредиент в виде порошка, Исиндомид плотно закрыл крышку и сильно потряс емкость. Янтарная жидкость наполнилась множеством пузырьков и, казалось, стала вязкой. Сев на стул перед окном в центре, колдун стал всматриваться вдаль, словно ожидая увидеть кого-то. Через несколько мгновений, похлопав ладонями по больным коленям, Исиндомид встал и направился к окну. Распахнув его настежь, он вернулся на свое место и стал ждать. Вечерний ветер заполнил лабораторию и освежил ее приятным лесным ароматом. Старик глубоко вдохнул, стараясь пропитать каждую клеточку легких столь дивным подарком. Среди пористых облаков появилась черная точка, которая стремительно приближалась. Исиндомид засмеялся и в волнительном ожидании потер руки о льняную тунику, подвязанную синим поясом. Вскоре черная точка превратилась в шар, затем у шара появились очертания крыльев. Еще через мгновение можно было услышать, как мощные крылья разрывают воздух. С оглушительным криком в закрытое окно в углу, разбив его вдребезги, влетел орел и упал. На каменном полу поблескивали тысячи маленьких осколков, отражая радужные блики.

Птица лежала на спине, ее крылья и лапы выворачивало от нестерпимой боли. Орел кричал, словно молил о смерти, затем вопль сменился громким хрустом костей, заставляя бедное пернатое выгибаться еще сильнее. Тело постепенно начало меняться: лапы вытянулись и обрели очертание человеческих ног, перья с крыльев осыпались, а кости, обтянутые кожей, приняли форму сильных рук. Птичий крик сменился человеческим. На полу лежал Ханар Эпперли, вопя от боли. Каждый его сустав выворачивало, а изо рта шла пена.

Исиндомид быстро, насколько мог, подошел к своему повелителю и влил ему в рот янтарную вязкость. Ханар застонал. На крюке висел подготовленный заранее кожаный плащ с меховой подкладкой. Старик, шаркая сандалиями, подошел к нему и сорвал с опоры. Металлический крюк с громким лязгом упал на каменный пол. От этого звука Эпперли вздрогнул и его голова вновь стала орлиной. Колдун протянул длинное «э-э-эх» и скрыл наготу повелителя

плащом. Затем осмотрел его голову и попробовал открыть клюв, но у него ничего не вышло. В ожидании, пока Ханар придет в себя, Исиндомид побрел к разбитому окну. Достав бархатный мешочек из широкого рукава своей туники, посыпал его содержимым осколками разбитого стекла. Те затрещали, словно кто-то тяжелый ходил по полу, затем, соединяясь один с другим, стали собираться в единое целое. Буквально через несколько мгновений стеклянное полотно вновь замерло в оконной раме. Исиндомид подошел к открытому окну в центре и закрыл его. В лаборатории сразу же повисла тишина, лишь тихие стоны Ханара нарушали ее. Старик подвинул стул ближе к своему господину и, сев на него, стал ждать, когда тот очнется.

Где-то через час дыхание Ханара, лежавшего на полу, стало ровным, голова вновь приняла человеческий вид, ресницы задрожали и он медленно открыл глаза.

– Больно, – безжизненным голосом прошептал он. – Почему так больно?

– А ты чего хотел? – в голосе старика слышалась и издевка, и нескрываемое любопытство. – Чтобы летать по небу, нужно родиться птицей или в твоем случае – обратном и пойти против своей природы. Твое тело сопротивляется ведьминой силе.

– В прошлый раз такого не было, – голос Ханара звучал слабо, мужчина был не в силах пошевелиться.

– Эх, – махнул рукой старик. – В прошлый раз была не ведьма, а всего лишь девчонка, у которой дара было, как у муравья. Ее силы едва хватило бы, чтобы поднять камень. Поэтому состояние было у тебя куда лучше: лишь легкий дискомфорт и расстройство желудка, – старик засмеялся, но звук его голоса был похож на несмазанное колесо начавшей движение телеги.

– Холодно, – шептал Ханар.

– Скоро пройдет, – громче обычного вздохнул старик и вновь, с трудом поднявшись, повернулся к своему столу, где стройным рядом стояли пробирки с разноцветной жидкостью.

Рабочее место Исиндомида отличалось особой аккуратностью. На широком дубовом столе царил порядок. По левую руку на нем лежали различные инструменты, необходимые для извлечения внутренних органов, работы с травами и приготовления различных снадобий. По правую руку располагалась какая-то книга, наполненная секретами и тайнствами, не всегда колдовскими. Ближе к внешнему краю в центре рядами, один выше другого, стояли пробирки, как наполненные, так и пустые. За ними – колбы побольше с сушеными травами. Третий ряд занимали емкости с высушенными органами животных и птиц. И, наконец, в самом последнем ряду теснились колбы с морскими гадами и флаконы, наполненные кровью.

Исиндомид взял плоскую каменную доску и пест, достал колбу с печенью пересмешника, ветку лаванды и флакон с красной жидкостью. Ловко растирая ингредиенты в густую пасту, колдун что-то нашептывал над ней. Когда субстанция была готова, он зачерпнул ее кривым пальцем и, подойдя к своему господину, положил приготовленное снадобье ему под язык. Ханар сначала скривился, затем начал кашлять и его вырвало. Перевернувшись на бок, мужчина тяжело задышал. Тело потряхивало. Эпперли стошнило еще раз, после чего он почувствовал себя заметно лучше. Повелитель смог сесть, подобрав под себя ноги, но ему все еще было холодно. Он закутался в плащ и посмотрел на старика.

– Что это за гадость? – Ханара передернуло.

– О, мой будущий король, всего лишь специальная паста, выводящая токсины из тела, – беззаботно ответил Исиндомид. – Попробуйте подняться.

Колдун улыбался деснами, а его глаза горели жадным огнем. Ханар не спеша приподнялся и стоял какое-то время на коленях. Его ноги дрожали, голова кружилась, но он сделал усилие и смог встать.

– Как долго я буду таким слабым? – произнес он.

– Ответа нет, мой повелитель, – разведя руки в стороны, старик впивался в него взглядом. – Я полагаю, все зависит от вашего тела и его выносливости. Ведь до вас никому не удалось поглотить чей-либо дар и остаться при этом в живых.

– У меня нет времени ждать. Сделай что-нибудь, чтобы эта боль утихла.

Ханар Эпперли раздражался и злился. Он еще никогда в своей жизни не чувствовал себя таким слабым и беспомощным. Ему казалось, что в таком состоянии даже немощный старик сможет убить его, если пожелает. Мужчина хотел вернуть свою силу и контроль.

– Стараюсь изо всех сил, – лукаво ответил Исиндомид.

– Старайся лучше, – у Ханара вновь закружилась голова, его повело и он едва успел ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

– Позвольте я осматрю Вас, господин.

Исиндомид, обеспокоенный состоянием будущего короля, помог ему сесть на стул. Сняв плащ с плеч Эпперли, принялся осматривать его тело. Все оно было покрыто ушибами и ссадинами, два больших кровоподтека багровым пятном растекались в области подмышек. Спину и живот Ханара покрывали мелкие волдыри, из некоторых пробивались перья. Кожа его была грубой и имела розово-фиолетовый оттенок. Ноги сильно отекали. Повелитель выглядел хуже, чем предполагал Исиндомид, но виду старался не подавать.

– Что скажешь, мудрец? – тяжело дыша, спросил Ханар.

– Боюсь, придется сделать перерыв, – помотал головой тот.

– Правильно боишься, – повелитель пытался придать своему голосу былую твердость и устрашение, но получилось лишь жалкое подобие. – У нас нет времени на перерывы. Пока мы будем прохлаждаться, король Антарты натирает своим задом мой трон и наращивает силы. Мои люди начинают чувствовать, что их предводитель дает слабину и кто знает, когда им надоест прохлаждаться без дела. Того и гляди учинят бунт. Так что придумай что-нибудь, что сможет вернуть меня в былое состояние. Да побыстрее.

– Былого состояния уже не будет.

– Что ты имеешь в виду? – у Ханара внутри все разрывалось от гнева и боли, он хотел вцепиться в старика и снести ему голову, но с трудом держался на ногах.

– Обратни рождены такими. Когда зародыш формируется в теле матери, он уже готов к разного рода трансформациям. До десяти лет они находятся в двух обликах: человеческом и животном. Но после десяти лет каждому обратню предстоит определить свою судьбу: остаться животным или человеком. Аза была одной из немногих, кому удалось сохранить в себе два облика. С раннего детства она знала о предстоящем выборе, поэтому стала постигать таинства ведьм, чтобы стать способной изменить свою судьбу с помощью колдовства. Ты же, мой великий предводитель, был рожден смертным от обычной женщины из семени обычного мужчины. Твое тело не может трансформироваться, оно не предназначено для изменений. На все новое нужно время.

– Но его у нас нет! – Ханар хотел стукнуть кулаком по столу, но не смог собрать воедино пальцы на руке.

– Его у нас нет, – вторил ему Исиндомид и внимательно посмотрел в глаза Ханару, как это бывало всегда, когда хотел сообщить ему нечто важное. – Твои люди пойдут за тобой куда угодно. Встретить смерть за твое имя для них будет честью. Но для того, чтобы завоевать Антаргу, полутора тысяч воинов будет мало. И у нас нет времени собрать больше людей.

– Так что же делать? – почти отчаявшись, спросил Ханар.

– Заполучить большую силу, – в глазах старика разгорелся огонь.

– И где ее добывать? На поиски ведьмы-оборотня мы потратили несколько лет. Мальчишка авеста где-то прячется, как крыса, его никак не достать! – гнев переполнял повелителя, он встал и вплотную подошел к Исиндомиду, грозно нависая над ним. – Так что же ты предлагаешь делать?

– Ты, наверное, уже запомнил, – похлопал он Ханара по плечу и медленно, шаркая ногами, направился к освободившемуся стулу, с облегчением присев на него. – Я всегда говорил, как важно уметь слушать и обращать внимание на то, что на первый взгляд кажется неваж-

ным. Перед тем, как разделаться с Азой, я рассказывал тебе историю о городе, охраняемом непроницаемой стеной. В нем царит древний уклад жизни и хранится нечто гораздо ценнее, чем тысяча королевств – сферул Богини-Матери.

– Смутно помню твой рассказ, – нахмутив брови, Ханар нагнулся за плащом и накинул его на обнаженное тело. – Этих богов сейчас развелось, как дерьма в трущобах. Кто эта Мать? И зачем ты мне о ней рассказываешь?

– О-о-о, – протянул старик. – Ты всегда слушал меня вполуха, вечно занятый чем угодно, только не познанием, – Исиндомид скрипуче засмеялся. – Наследие Богини-Матери старо, как мир. Она – родительница жизни, а люди – побочный продукт этой самой жизни. Когда сотворился мир, Мать пожелала сделать его настолько прекрасным, насколько было способно женское сердце. Но были и те, кто не разделял с ней таких мечтаний. Кто теперь разберет, что у них там произошло на самом деле, но все истории сходятся на одном: ее сбросили с небес на молодую землю, холодную и безжизненную. Мать была брюхата и в момент падения родила последнее свое дитя – Материнский Огонь и разбилась о твердь, образовав собой сферул. Пламя проникло в каждую щель, под каждый камень, обогрив собою все вокруг. Из тепла огня родилась жизнь, но повторюсь, люди – это побочный продукт жизни. В телах первых людей жила память о жертве Матери. Ведомые первородным инстинктом, они воздвигли город в ее честь. Пасифида – первый город на юной земле, где жило все человечество. Но мы – люди, натура наша далека от божественной... Город канул в историю, когда и как – источники разнятся. Тысячелетия стерли из памяти легенду и местонахождение города. Но две тысячи лет назад один человек, что называл себя вридохом, носителем пламени Матери, рассказал миру о том, что нашел руины первого города. Обладая первородной памятью и силой, дарованной богом, он воздвиг новый город на месте старого. Надел корону, провозгласил себя королем и тоже сгинул, но город на этот раз остался.

– Занимательная история, – устало протянул Ханар. – Только не могу понять, что это нам дает?

– Дает нам это многое, – беззубая улыбка старика растянулась на лице. – Преимущество, которого лишен наш враг.

Ханар Эпперли был слишком вымотан. Украденные силы ведьмы-оборотня изнурили его. Мужчина сильно похудел, лицо осунулось, с рук сошли мышцы. У него не было сил, чтобы просто стоять на ногах, да еще играть в догадки с Исиндомидом. Но ему нельзя было показывать слабость, иначе она же его и погубит. Он не хотел продолжать этот разговор дальше.

Тяжелая дверь лаборатории со скрипом отворилась, на пороге появилась миниатюрная фигура. Укуфа Бхинрот была по-детски очаровательна, несмотря на возраст. Ее фарфоровую кожу не коснулось старение, а в глазах горел лукавый огонь. На Укуфе было платье из розового шелка, расшитое жемчугом и затянутое в тугой корсет. Черные локоны, украшенные жемчужной россыпью, лежали на тонких плечах. Глядя на нее в таком образе, невозможно было представить, какой ужас скрывает столь очаровательная внешность. В руках она держала сверток.

– Ваше Величество, – смеясь, обратилась она к своему господину, сделала неловкий поклон и подошла к нему. – Прошу прощения, что прерываю, но дела обязывают Вас приступить к ним.

Укуфа протянула ему сверток. Ханар Эпперли принял его – это была одежда. Настроение сразу улучшилось. После обряда многие стали обращаться к нему «Ваше Величество», что ему очень нравилось и льстило. Укуфа сегодня была настолько очаровательна и потрясающе красива, что мужчина почувствовал, как напряглось его естество. Эпперли увидел кровь на ее губе, пальцами осторожно стер ее, от чего возбудился сильнее, но овладеть желанным сейчас не смог бы, уж слишком сильной была усталость.

– Все никак не наешься? – хрустнув шеей, король развернул сложенный сверток.

– Сложно устоять, мой повелитель, – кокетливо закрывая рот рукой, она захихикала. – Вокруг так много соблазнов.

– Откуда платье? – натягивая штаны и рубашку, заметил Ханар. – Не припомню, чтобы у моих солдат было нечто подобное. Или они отдали его тебе, закончив с очередной особой?

– Я к солдатам не хожу, мой повелитель, – хихикая, ответила та. – Они боятся меня. А платье я позаимствовала у хозяйки этого дома. Ой, простите, – закрыв рот рукой, она закатила глаза. – У бывшей хозяйки этого чудесного поместья. Она была очень жадной леди, поэтому пришлось как следует позабавиться с ней. Когда у нее не осталось конечностей, она все же позволила мне забрать все ее платья и драгоценности. Вам нравится? – Укуфа покружилась в платье, чтобы господин смог оценить его по достоинству.

На какую-то долю секунды Эпперли замер, оценивая сказанное его подчиненной, затем лицо его побагровело от злости, а глаза налились кровью.

– Твои забавы стоили нам нескольких тысяч солдат в нашу армию! – голос Ханара окреп и вновь нагонял ужас. Застегнув жилет из вареной кожи, он схватил Укуфу за шею. – Она была дочерью лорда Серого Леса, он мог бы отдать за нее все, что угодно! А солдаты и оружие нам сейчас пригодились бы. Ты так не считаешь? – он все сильнее сжимал ее горло, но она лишь улыбалась, глядя ему в глаза.

– Моя ошибка, повелитель, – хрипя, ответила она.

Ханар Эпперли разжал руку, женщина закашлялась и принялась растирать шею.

– Нам не нужны солдаты и оружие, – обратил на себя внимание Исиндомид. – Нам нужен мальчишка.

– Я отправил на его поиски лучших людей, но никто из них не принес мне хороших вестей! – Ханар перешел на крик.

– Потому что они не там ищут, – лукаво протянула Укуфа.

– Что ты имеешь в виду? – сверкнул глазами Ханар.

– Вам нужно спуститься в подземелье, – Исиндомид не стал дожидаться ответа своего повелителя и медленно направился в сторону двери.

Солнце готовилось к закату. Тени, нарисованные колоннами и арками широкого коридора в захваченном замке, молча провожали их. Каменные стены хранили в себе множество тайн и секретов, постигать которые никто не торопился. Трое вышли в небольшой двор, в центре которого был искусственный пруд. Лилии и кувшинки медленно колыхались на водной глади, а мелкая рыба создавала подводное движение. Каменные скамьи стояли под цветущими арками, и цветы, казалось, были повсюду. Вдоль стен росли густые кустарники цветущих роз, наполняя двор свежим ароматом. Бывшая хозяйка крепости заплатила немалую сумму за столь прекрасный сад. Ханар Эпперли распорядился, чтобы за ним ухаживали. Он любил выходить сюда по ночам, особенно когда сон совершенно не шел. Ложась на теплую плитку, смотрел на бесконечное множество звезд и думал о том, сможет ли когда-нибудь покорить и их.

Ханар Эпперли, Укуфа Бхинрот и Исиндомид пересекли сад и направились к противоположной стене крепости. Ее венчала квадратная колонна со сторожевыми мостками по кругу. Караульные ходили по ним, сверкая своими начищенными до блеска доспехами и всматриваясь вдаль. Будущий король считал их лентяями, что совершенно не ценили данный им хлеб, оружие и амуницию. Однако начальники гарнизонов настояли на том, что их работа крайне важна.

– Повелитель, караульные необходимы, – кланяясь, убеждал его Осмен Дарк. – Они могут заметить врага за много миль и предупредить нас, тогда мы будем готовы встретить его с мечами в руках.

– Мои воины всегда должны быть готовы встретить врага с мечами в руках, – жуя персик, Ханар смотрел на сторожевую башню. – Если солдат не готов к битве, значит, это мертвый

солдат, потому что если его не убьет враг, то это сделаю я. Я распорядился выставить караулы с четырех сторон, на кой хрен мне сдались еще?!

– Никто не сомневается в Вас и ваших солдатах. Но все же, повелитель, позвольте распорядиться выставить караульных. Солдаты тоже люди, им нужен отдых, чтобы во время битвы они могли показать себя. Поставив караульных, мы сможем дать им такую возможность.

Осмен говорил с Эпперли уверенно, иногда даже дерзко, хотя Ханар видел, что старик побаивается его. В первую очередь он думал о безопасности своих людей, поэтому дополнительный караул значил для него многое.

– Черт с тобой! – Ханар бросил косточку персика в Осмена Дарка. – У меня сегодня хорошее настроение. Прикажи выставить караул.

Караульные и стража внимательно наблюдали за тремя фигурами, пересекающими дворсад. Ханар Эпперли чувствовал взгляд каждого. Они смотрели на него, словно на труса, прячущегося за стенами захваченного поместья и спинами стражников. Они чувствовали его слабость и это больше всего злило. Как долго им терпеть, прежде чем какой-нибудь умник не пере режет ему глотку? Лидер, предводитель, а уж тем более будущий король Антарты не может быть слабаком.

– Мне нужно прийти в форму немедленно, – не то попросил, не то приказал Ханар. Он схватил Исиндомида за локоть и слегка потряс, притянув к себе. – Мне все равно, что ты будешь делать, колдун, но, если не вернешь мою силу, клянусь, ты пожалеешь, что не убил меня, когда у тебя была такая возможность.

– Буду работать денно и ночью, мой король, – старик покорно склонил голову.

Сверкнув глазами, Ханар продолжил свой путь к квадратной башне. Од Куулайс, одетый в зеленый походный камзол и шерстяные штаны, о чем-то разговаривал с двумя стражниками, охранявшими массивную кованую дверь. Почесывая рыжую бороду, он стоял спиной к будущему королю, поэтому не видел его. Стражники, едва увидев Эпперли, выпрямились и взяли оружие в руки.

– Мой король, – отдал свое почтение Куулайс. – Все готово к Вашему визиту.

Ханар Эпперли молча кивнул и двое стражников открыли перед ним дверь. За ней была крошечная тьма, лишь струящаяся оттуда прохлада приятно облизала лица. Од и Укуфа при няли факелы у стражников. Едва они ступили на порог, дверь за ними закрылась и единственным источником света стали оранжевые всполохи огня. Винтовая лестница вела как наверх, так и вниз. Ханар смело отправился вниз, ступая в темноту. Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось. Несчетное количество ступеней оставалось позади, столько же еще предстояло пройти. Жирные крысы сновали под ногами, Укуфа чуть не наступила на одну из них, едва не свалившись с лестницы. Од успел схватить женщину за руку, но та резко вырвала ее. От влажности стены стали липкими и скользкими, капли воды эхом разбивались о ступени, делая их опасными. В конце лестницы забрезжил неяркий свет факелов. Казалось, крыс здесь стало больше и они совершенно не обращали внимания на присутствие людей.

– Мой повелитель! – раздался мужской голос, который от перенесенной пневмонии стал влажным.

Вслед за приветствием появился такой же влажный человек, сутулый, с огромными плечами и внушительных размеров руками. Волосы его прилипли ко лбу в испарине. Одет он был в простую одежду: штаны, камзол из вареной кожи и поношенную кольчугу поверх.

– Не ожидал Вас здесь увидеть, – кланяясь, мужчина заглядывал в глаза Ханару, пробуя угадать, зачем он пожаловал в подземелье.

– Ты должен быть всегда готов к моему визиту, тюремщик, – сухо ответил Эпперли, заведя руки за спину, и осмотрел помещение. – Где?

– Простите, о великий, о ком конкретно вы говорите? Здесь много пленников.

Укуфа молниеносно оказалась около тюремщика и поднесла к его горлу нож.

– Твой господин задал тебе конкретный вопрос, – она наслаждалась своей силой и упивалась страхом тюремщика. – У тебя здесь много пленников, которые могли бы быть интересны твоему господину?

– А, – мужчина улыбнулся гнилыми зубами, из-за запаха Укуфа отстранилась от него. – Следуйте за мной.

– У тебя из пасти несет, как отдохлой крысы, – брезгливо скривилась женщина.

– Сочту это за комплимент, – тюремщик взял связку ключей и факел. – Я редко поднимаюсь, а столь прекрасные леди не посещали мое подземелье уже давно.

– Довольно разговоров! – низкий голос Ханара эхом пронесся по влажным коридорам. – Отведи меня к нему.

Тюремщик повиновался и повел всех за собой. Прошли длинный коридор, свернули налево и оказались в таком же длинном коридоре, влажном и тускло освещенном. Пройдя несколько камер, свернули направо и начали спускаться еще ниже. Воды здесь было больше, она струилась по стенам и стекала по ступеням.

– Осторожно, – предупредил тюремщик. – Здесь очень скользко.

Лестница вела к единственной камере. Вода практически вплотную подходила к ней. Оранжевые всполохи осветили помещение, за решеткой находилась какая-то фигура.

– Оставь нас, – приказал Ханар.

– Как Вам будет угодно, – тюремщик откланялся и удалился.

– Ты тоже, Од, – приказал ему король.

– Я мог бы пригодиться Вам здесь... – начал было Куулайс.

– Ты смеешь перечить моим приказам?! – низкий голос эхом разнесся по пустующему подземелью, внушая страх всякому, кто его услышит.

– Как прикажет мой король, – откланявшись, Од ушел вслед за тюремщиком.

Пленник сидел, прикованный к стулу. Под ним стояло ведро для отходов. На мужчине небрежно было накинуто нечто, напоминающее простыню или рваную рубаху, из-под которой были видны окровавленные бинты. Руками он едва мог достать до собственного носа, чтобы почесать его. Ноги затекли и сидящий мечтал о том, чтобы вытянуть их. Вид у мужчины был болезненный. Он поморщился от света факелов, ведь был лишен солнца. В темнице не было ни окна, ни щели, через которые мог бы проникнуть свет. Крысы облюбовали его камеру, устроив логово, и не стеснялись прогуливаться по пленнику, покусывая его раненое тело.

– О, – протянул измученный мужчина. – Самопровозглашенный повелитель степей решил спуститься ко мне в столь мрачное место. С чего бы?

– Как твое имя? – Ханар подошел к решетке и без тени сожаления посмотрел на него.

– А разве вы его не знаете? – мужчина смотрел на гостей исподлобья.

Открыв решетку, Ханар вошел в камеру. Укуфа змеей проскользнула за ним, устрашающе посмеиваясь. Эпперли достал нож, приставил к горлу пленника и пустил тонкую струю крови, надавив лезвием на кожу.

– Мне нужно твое имя, – сверкнув темными глазами, Ханар склонился над мужчиной, словно коршун.

– Что-то он не очень сговорчив, мой господин, – Укуфа кокетливо извивалась вокруг пленника, дразня и соблазняя его. – Может быть, мне удастся развязать ему язык? – она положила руку на его мужское достоинство, от чего мужчина вздрогнул.

– Убери свои поганые руки! – крикнул пленник. – Грязная девица!

– А он грубый, – надув губы, как ребенок, Укуфа спряталась за своим господином.

– Я буду говорить, – голос у пленника хоть и был слаб, но в нем слышалась злость и сталь, – если распутной девки здесь не будет.

Ханар ударил его рукой, в которой держал нож, оставив глубокую рану на щеке. Кровь потекла по грязному телу, впитываясь в прогнившие тряпки. Крысы, учуяв запах, словно

сошли с ума и стаей направились вверх по пленнику, жадно покусывая его измученное тело. Мужчина брыкался, пытаясь скинуть их с себя, но животные не обращали на это внимания.

Ханар Эпперли наполнил грудь воздухом и громко крикнул, только это не был крик человека. Его голова обрела форму головы орла и он издал птичий крик. Крысы в ужасе бросились врассыпную, пытаясь спасти свои никчемные жизни.

– Великий Дхар! Спаси мою душу от оборотня, посланного тьмой! Прими мою плоть в свои объятия и взрасти из нее новую жизнь! – взмолился пленник, но съезжился на стуле, насколько позволяли его цепи, сильно зажмурил глаза.

– Что ты там бубнишь? – Исиндомид, стоявший за решеткой, так и не вошел внутрь, а смотрел на мужчину, словно читая его.

Укуфа вновь закружилась в соблазнительном танце, смеясь и наслаждаясь страхом.

– Твой бог тебя не услышит, его здесь нет, – старик развел руки в стороны.

– Мой бог всегда со мной, – пленник бросил осторожный взгляд на Ханара, чья голова вновь обрела человеческий облик. – Что ты такое? – гримаса ужаса застыла на его лице.

– Я – Ханар Эпперли, покоритель Антарты и ее король. Я тот, кто смог подчинить себе силы природы, обуздать их и сотворить из них совершенное оружие.

– Это противоестественно, – пленник от страха обмочился. – Так нельзя, так не бывает...

– А ты, видимо, знаешь, как бывает? – Ханар вскинул брови.

– Я многое знаю и многое повидал, но то, что с тобой сделал колдун, не останется незамеченным, – мужчина, и без того бледный в сырой темнице, стал еще бледнее. – Боги не простят! Ты не просто убил их священное дитя, а еще надругался над их даром. Ты будешь проклят!

– Я давно проклят! – Ханар не сдержал порыва и всадил нож пленнику в кисть, приковав ее к подлокотнику стула.

Мужчина закричал от пронзившей боли.

– А теперь, Лиссандр Хейвуд, поведай мне, проклятому, о твоей встрече с авестой.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – слезы лились из глаз пленника, словно вода по стенам его темницы. – Авеста? Я даже не знаю, кто это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.